

**Александр ГОРЯНИН,
Александр СЕВАСТЬЯНОВ**

**РУССКОМУ ОБ АЗЕРБАЙДЖАНЕ
И АЗЕРБАЙДЖАНЦАХ**

МОСКВА

2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

На улицах и рынках русских городов за последние 20 лет стали часто встречаться характерного облика черноволосые люди, в основном мужчины, говорящие по-азербайджански. Сколько их, подсчитать невозможно, т. к. многие живут нелегально, от учета населения ускользают, но можно уверенно сказать, что удельный вес азербайджанцев среди нерусских диаспор России оказался велик настолько, что местами стал конфликтогенным фактором (как показали, например, летние события 2008 года в Екатеринбурге). Местное население, обеспокоенное обвальными полиэтнической миграцией с Востока и воспринимающее ее как нашествие, а то и оккупацию, уже четко выделяет азербайджанский компонент из всей массы приезжих. Возможно, еще и потому, что большинство азербайджанцев локализуется в сфере торговли, ежедневно плотно контактируя с автохтонами. В результате в уличных столкновениях с молодежью, следующей инстинкту защиты территории, нередко достается гостям из солнечного Азербайджана (но бывает и наоборот), да и вообще климат русско-азербайджанских отношений оставляет желать много лучшего, как на уровне подобной «народной дипломатии», так, увы, и на самом ответственном уровне.

Объяснить такое положение вещей легко, все причины на поверхности. Оправдать — трудно. А одобрить и вовсе невозможно. Что же делать? Необходимо тщательно, бережно распутать весь узел, затянувшийся между нашими народами, разобраться, в чем состоят наши не сиюминутные, а глубинные, стратегические интересы, отделить их от рефлексов и аффектов, вызванных злобой дня, найти выход, устраивающий обе стороны, гарантирующий дружное совместное будущее. В котором заинтересованы как азербайджанцы, так и, в не меньшей степени, русские.

Последнее утверждение может вызвать у русских читателей некоторое непонимание. Несмотря на то, что Азербайджан провел в составе Российской империи и СССР без малого два века, он остался для большинства наших соотечественников малознакомой страной. Хотя изрядное число русских переселилось туда еще до революции, а еще большее — при Советской власти, но это число было изрядным для Азербайджана, для России же оно всегда оставалось незначительным. В собственно России азербайджанцев знали лишь в считанных нефтедобывающих регионах да в Москве, они поехали к нам в массовом порядке уже после распада СССР.

В отличие от армян и грузин, всегда имевших мощное лобби в российских столицах что при царях, что при генсеках, у азербайджанцев своих заступников ни в Зимнем дворце, ни в Кремле в достатке не было никогда. В чем состояли знания об Азербайджане, которые получал типовой школьник в российской глубинке? Что-то о 26 бакинских комиссарах, какие-то стихи Есенина («Прощай, Баку! Тебя я не увижу...» и др.), несколько строк о нефти в учебнике «Экономическая география СССР» — вот, пожалуй, и все. Теперь к ним прибавились улично-рыночные впечатления.

Пора исправить это положение, заполнить досадный пробел в нашем образовании. Это не терпящая отлагательства задача, имеющая серьезное значение для русского будущего.

Итак, постараемся проникнуть в суть дела, постараемся понять, что такое для нас Азербайджан и азербайджанцы.

У Азербайджана сложная многовековая история, мы не сможем здесь пересказать ее даже вкратце. Ограничим свою задачу: расскажем лишь о том, каким образом судьба связала наши страны, раскроем логику событий, которая сделала в свое время Азербайджан частью Российской империи, а затем и СССР. Мы уделим особое внимание незаслуженно (или намеренно) преданным забвению страницам истории. Любой народ надо понять, надо уметь поставить себя на его место. Но как нельзя разгадать запутанный сюжет, не прочтя начало и середину книги, так невозможно понять народ, не уяснив длительно действующие факторы его судьбы. «Российский фактор» в истории Азербайджана был решающим не менее двух веков. «Азербайджанскому фактору» в истории такой огромной страны, как Россия, более века, и по крайней мере дважды он становился для нее решающим.

В наши дни нет недостатка в злободневной аналитике. Однако корни буквально всех сегодняшних конфликтов лежат в прошлом. Мы уделим пристальное внимание событиям первой четверти XX века — именно тогда было заложено большинство мин, рванувших в два последние десятилетия. В этих событиях до сих пор много неясного. Мы постараемся отдать должное уникальному феномену Азербайджанской демократической республики (1918-1920) — первой в исламском мире. Это необходимо сделать, поскольку еще живы представления советских времен, согласно которым до победы большевиков в Азербайджане не было ничего, кроме невежества, мрака и угнетения.

Современный Азербайджан, о котором с полным основанием можно говорить как о Третьей республике — наследник не только Азербайджанской ССР, но и той первой отважной попытки утвердить государственность и начать новую жизнь на абсолютно новых основаниях.

Просьба при чтении поглядывать на карту. Понять Азербайджан, понять отношения России и Азербайджана без географии невозможно.

ГЛАВА 1. КАК АЗЕРБАЙДЖАН ОКАЗАЛСЯ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

«Где огонь горит неугасимый»

На вопрос о том, почему Азербайджан (в переводе «огненная земля») оказался в составе России, правильно ответят немногие. Хотя взаимная диффузия Руси и Кавказа началась около одиннадцати веков назад, со времен русского Тмудораканского княжества (которое, напомним, было одним из кавказских

государств), Византия и Орда отодвинули наше более близкое знакомство на столетия. Но любые столетия проходят.

Когда купцы двух народов вновь освоили великий торговый путь по Волге, Каспию и каспийскому берегу, контакты стали неизбежны. Кто-то из купцов и путешественников, как и сегодня, оставался жить в далекой земле. Как пишет Афанасий Никитин, когда судно с товарами русской купеческой компании при посольстве Василия Папина, в составе которой следовал Никитин, разбилось о берег близ Дербента, из его спутников одни вернулись на Русь, *«иные остались в Шемахее, а иные пошли роботать к Баке»*. Сам же Афанасий *«пошел к Дербенту, а оттоле к Баке, где огонь горит неугасимый»*, но не «роботать» там, а двигаться дальше в Индию. Было это в 1468 году: еще не открыли Америку и не родился Васко де Гама. В те времена не было государства «Азербайджан», было несколько ханств, населенных предками нынешних азербайджанцев. Значительную часть территории нынешнего Азербайджана тогда занимало Ширванское ханство. Оно же было и наиболее развитым. В разные времена здесь было до полутора десятков государственных образований (наиболее известны Шекинское, Карабахское, Гянджинское, Иреванское, Кубинское, Нахичеванское, Талышское ханства), которые, как и везде в мире, могли дробиться, воевать друг с другом и объединяться. Помимо ханств, существовали также более мелкие феодальные образования – султанаты, меликства и магалы. Баку был одним из городов Ширвана, но не столицей. Столицей была Шемаха. Никитин называет шаха Ширвана «татарским ширвашином». Имя «татар» держалось в русском обиходе за азербайджанцами вплоть до 20-х годов XX века.

Во времена Никитина Шемаха и Москва начали обмениваться посольствами, вести речи «о дружбе и согласии», слать друг другу подарки: посол Василий Папин вез от Ивана III ширваншаху Фаруху Ясару 90 кречетов. Но, положив руку на сердце, большого значения все это не имело, и мы с азербайджанцами так и остались бы отдаленными знакомыми, если бы не христианские соседи азербайджанцев — православные грузины и грегорианцы армяне. Находясь под постоянным (армяне) или периодически возобновляемым (грузины) игом то персов, то турок, они всегда искали христианских заступников. Самым понятным в то время способом получить заступничество был вассалитет.

Движение России на юг: самозащита и исполнение обета

Первое грузинское посольство, принесшее присягу русскому царю, прибыло в Москву в 1491 году, однако реально великая грузинская мечта сбылась лишь через три века, на протяжении которых челобитные и присяги многократно обновлялись.

Защита закавказских христиан стала считаться в Москве святым, не подлежащим обсуждению долгом, и хотя выполнить этот долг было затруднительно — тысяча верст, отделявшая русские пределы от Кавказа, контролировались воинственными кочевниками, — установление опеки над Грузией и Арменией было воспринято как государственная задача России, которая рано или поздно должна быть выполнена. Важным политическим фактором на протяжении столетий оставалась

грузинская эмиграция в Москве, а затем в Петербурге, постоянно лоббировавшая интересы Грузии. В число эмигрантов нередко входили грузинские цари и царевичи, иногда с двором, — как живое напоминание о взятом на себя Россией обязательстве. Именно здесь главный ключ к войнам Российской империи на Кавказе.

Об этом у нас постоянно забывают, приписывая экспансию России на юг исключительно «врожденному русскому империализму». Правда, мессианский мотив не был в этом движении главным. Прежде всего, век за веком строя засечные линии, Россия последовательно теснила своих исторических врагов, живших набегам и грабежом — Большую орду, Ногайскую орду, Крымское ханство и его союзницу Астрахань. После сотен их набегов, порой до самой Москвы, потеряв счет сожженным и разграбленным городам и угнанным людям, Россия была просто обязана устранить угрозу радикальным образом.

Но не следует представлять дело и так, будто продвижение на юг (как и на восток) совершалось государством помимо или даже вопреки народным устремлениям. Вольные люди, сильно опережая государство, вели собственный натиск на юг. Начиная с 1534 г. гребенские казаки селятся в предгорьях Восточного Кавказа и в устье Терека. Казаки не были имперскими агентами царизма, более того — московские власти видели в них преступников. Но двинув свои полки по их следам и разобравшись с Астраханским ханством, Россия вышла на Каспий, после чего «простила» гребенцев, поручив им нести пограничную службу на новых рубежах.

Именно здесь Россия впервые стала соседствовать с лезгинами, аварцами и азербайджанцами (в Дагестане их всегда было много), после чего ее продвижение на юг здесь прекращается на 150 лет.

Не будь грузинского и армянского факторов, граница и сегодня, вероятно, проходила бы там же. Горы не манили русских. Для них, равнинных жителей, горы были в те далекие века средой тяжелой и непривлекательной. России было достаточно, чтобы дагестанские князья не закрывали, что иногда случалось, для русских купцов путь в Ширванское ханство и Персию. Торговать было чем. Например, по производству шелка-сырца Ширван занимал одно из первых мест в мире.

Летели годы. Россия отдышалась от Смутного времени, и стала вновь получать просьбы о подданстве — от мегрельского царя Леона, кахетинского царя Теймураза, имеретинского царя Александра, армянского католикоса Акопа Джугаеци, от царя уже объединившихся Имеретии и Кахетии Арчила, от депутации Тушети, Хевсурети и Пшави... Набожный государь Алексей Михайлович не раз плакал, размышляя об участи братьев-христиан. Но что он мог сделать? Все жалованные грамоты о приеме в подданство мало что значили без военного присутствия на месте. А как его обеспечить? Военно-Грузинская дорога, Военно-Сухумская дорога — все это придет позже. У России тогда был один путь в Закавказье: каспийским берегом — то есть, через Азербайджан. А это означало войну с Персией. Алексею Михайловичу хватало войн с Швецией, Польшей и Степаном Разиным (совершившим, среди прочего, пиратский набег на Баку с моря). Прорываться через Дербентские ворота Тишайший царь не стал.

Не таков был его сын, Петр Первый. После победы над шведами в Северной войне, он немедленно вспоминает о своем «христианском долге» на юге. Действуя в согласии с грузинским царем Вахтангом VI и армянским католикосом Исайей, Петр I двинул в 3(14) мая 1722 года войска в прикаспийские владения Персии.

Азербайджан между трех огней

Что из себя представляли тогда эти владения? Ширван давно утратил самостоятельность — еще в 1538 году его поглотила персидская империя Сефевидов. Поначалу азербайджанцы были в ней на особом положении: в середине XVI века из 74 эмиров империи 69 были азербайджанцами, в основном из азербайджанцев набиралась и армия Сефевидов. Потом азербайджанские земли на полвека захватила Турция, потом их вновь вернули себе персы — но уже не как привилегированную область, а как одну из окраин персидского государства. Лучшие времена остались позади. Сам Петр во время Персидского похода до Азербайджана не дошел, из Дербента он вернулся в Астрахань. Но 15(26) июля 1723 года, после четырех дней артобстрела, десант под командованием генерал-майора Михаила Афанасьевича Матюшкина все же взял Баку.

Как нам и азербайджанцам относиться к этому обстрелу и штурму сегодня, почти триста лет спустя? Ясно, что не по нынешним меркам. Ни одно событие в истории нельзя судить по более поздним, не имеющим обратной силы, законам. С момента появления человечества все воевали со всеми, с кем только позволяла география, большие страны завоевывали страны поменьше либо хуже вооруженные, и в этом отношении Россия была не хуже и не лучше Персии, Турции или Англии. Как раз перед Персидским походом Петра Англия оттяпала у Франции побережье Гудзонова залива, у Испании — Гибралтар, а в Индии готовилась к завоеванию Бенгалии, Австрия отняла у Испании остров Сардинию и так далее. Таковы были нравы эпохи. В полной гармонии с этими нравами вслед за Петром на персов напали турки. Персидский шах Тахмасп тогда решил, что три фронта (с востока заседали афганцы) это чересчур и отправил в Петербург посольство для заключения мира. Тем временем турки быстро захватили как раз те земли, освободить которые собирался Петр — Восточную Грузию (с Тифлисом) и Армению. Это отодвигало для России достижение поставленной задачи: тут же начинать следующую войну было невозможно, да и турки представляли из себя в тот момент более сильного врага, чем персы. 12 (23) сентября 1723 года в Петербурге был подписан договор, закреплявший за Россией западный и южный берега Каспия от устья Терека до устья Атрека в Туркмении. Так впервые Баку и Ленкорань (но не Шемаха, не Нуха, не Гянджа, не Шуша) оказались в составе Российской империи. Оказались в ней также персидские провинции Гилян, Мазандеран и Астрабад.

Вскоре Россия поняла, что решительно не знает, как ей быть с этой относительно узкой (от 40 до 100 верст), но бесконечно длинной полосой побережья. Заводить колониальное хозяйство южного типа она, в отличие от Испании или Англии, не стремилась, а защищать здесь было некого: компактно живущие христиане в этих

местах отсутствовали. Один маленький христианский народ, удины, правда, обнаружился, но он жил в мире со своими мусульманскими соседями.

В октябре 1724, за три месяца до смерти Петра, к нему обратились армянские патриархи Исая и Нерсес уже с пятым или шестым по счету письмом. Оно содержало просьбу о «вспоможении» со стороны России *«воинскими людьми... токмо б повелеть им придти в провинции Карабахскую и Шемахинскую вскорости, а ежели не будут, то по сущей истине турки поберут всё месяца в три и христиан всех поьют и погубят»*. Заметим: армяне просят спасти их не от соседей-азербайджанцев, а от наступающих турок. Императорской канцелярией был составлен ответ, очень странный документ. Можно подумать, это отклик на совсем другое письмо. Речь идет о том, что русские управители «новополученных провинций» получают указания *«дабы они вас [армян] как в Гилян и в Мизендрон, так и в Баку и в другие удобные места, когда кто из вас туда прибудет, не токмо приняли, но для жития и поселения удобные места отвели и в прочем во всякой милости и охранении содержали»*. Но главное, как гласит помета на документе, *«сей грамоты ни государь не подписывал, ни канцлер не контрассигновал, а отдана оная без подписания»*. Монархи умеют быть уклончивыми не хуже барышень.

В Баку, Ленкорани и прочих местах Прикаспия русские гарнизоны простояли всего несколько лет. Анна Иоанновна, искавшая в Персии союзницу для борьбы с турками, в два приема вернула ей не пригодившиеся земли. Забавно, что в тексте соответствующего договора обе стороны изобразили забывчивость: они сделали вид, что Россия не забирала прикаспийские провинции «в вечное владение», а просто взяла их ненадолго — то ли почитать, то ли поиграть, — и вот теперь возвращает.

Новый персидский правитель, Надир-шах установил в Азербайджане невыносимый гнет, что вызвало ряд народных восстаний. Но в целом персы оказались не такими уж унитаристами: после смерти Надир-шаха на территории Азербайджана возникло множество почти независимых ханств. Развитию страны такая раздробленность, конечно, не содействовала — как и сохранявшееся натуральное хозяйство.

Исполнение грузинской мольбы и последствия

Среди азербайджанских государственных деятелей появились свои «западники», сторонники модернизации. Тогда это означало русскую ориентацию — для Азербайджана Россия была в XVIII веке главной западной страной. Речь идет о таких фигурах, как хан Кубинский Фатали, как Ибрагим Халил-хан Карабахский. И тот, и другой отправляли в Россию посольства с заверениями, что не прочь перейти под русское покровительство. Они надеялись таким способом окончательно избавиться от персов (у Фатали-хана были, вдобавок, свои гегемонистские планы в регионе, и он надеялся осуществить их с помощью России), но присоединения к России не хотели.

В Грузии видели вещи иначе. В конце 1782 года царь Картли и Кахетии Ираклий II засыпал Екатерину Великую письмами с мольбой о полном протекторате. Он решил, что время пришло. После очередной победы над Турцией и взятия Крыма Россия утвердилась на Черном море, а на Северном Кавказе была завершена линия укреплений от устья Дона до устья Терека — от моря до моря. Россия стала главной

лений от устья Дона до устья Терека — от моря до моря. Россия стала главной военной силой в регионе. Теперь отказ от покровительства единоверцам со стороны Екатерины выглядел бы клятвопреступлением — слишком много раз это покровительство было торжественно обещано. Понимая это, императрица пошла на заключение в 1783 году Георгиевского трактата, по которому Ираклий со своим царством и народом переходил под опеку и защиту России, отказывался от самостоятельной внешней политики, а грузинское дворянство, духовенство и купечество уравнивалось в правах с русским.

Исполнение грузинской просьбы (и старинного русского обета) обошлось России дорого. Для того, чтобы договор не остался на бумаге, было необходимо разместить в Грузии русские войска. Горцы Северного Кавказа поняли, что Российская империя решила переступить Кавказский хребет, в результате чего они автоматически окажутся в ее составе, лишаясь независимости. Первое большое антирусское восстание возглавил в 1785 году шейх Мансур. В его войско вошли отряды чеченцев, аварцев, даргинцев, кумыков, кабардинцев, черкесов, абазинцев. Так началась шедшая до 1864 года (правда, с большими перерывами) Кавказская война.

Появление России в Закавказье стало постоянным раздражителем также для турок и персов. Опередив появление русских гарнизонов, персы в 1795 году ворвались в Грузию и Карабах, разграбили Тифлис. Лишь полгода спустя на защиту грузин смог выступить из Кизляра русский Каспийский корпус во главе с Валерианом Зубовым. Зубов занял (почти без применения силы — инструкция императрицы предписывала действовать «ласками и уговорами») Дербент, Кубу, Баку, Шемаху, Гянджу. Когда он достиг слияния Аракса и Куры, пришла весть о смерти Екатерины. Вступивший на престол Павел I, который ненавидел мать и стремился сломать любое ее начинание, сразу же дал приказ всем войскам вернуться в Россию. Забавен образец черного пиара того времени — объяснение, данное персидским шахом Ага Мохаммедом внезапному уходу русских войск. *«Занятие и жизнь русских — это продажа и покупка сукна, коммерция; никто никогда не видел их в применении сабли, копья или другого оружия. Они дерзнули вступить в границы занятой нами страны. Нашим высоким умом мы решили наказать и истребить их, и потому наши счастливые знамена двинулись на них. Когда русские увидели наши знамена, они мгновенно вернулись в свои презренные места».*

Присоединение азербайджанских ханств к России

Зубов оставил в Тифлисе только два батальона — для охраны царя Ираклия. Вскоре тот умирает, а новый царь Георгий XIII обращается к императору Павлу с просьбой принять Грузию под прямое управление России. 18 (30) декабря 1800 года Павел подписывает соответствующий манифест. 28 декабря 1800 года (9 января 1801 года по новому стилю), не дождавшись возвращения послов с радостной вестью, умирает и Георгий.

12 сентября 1801 года Грузия перешла под российское управление. Так начался на Кавказе XIX век.

Новую губернию, названную поначалу Грузинской, следовало надежно связать с внутренней Россией. Военные саперы спешно обустраивали древний караванный путь в Грузию через Крестовый перевал, но об уверенном сообщении через него мечтать было пока рано. Гарантировать сношения с Закавказьем в любое время года мог лишь путь вдоль каспийского берега — не зря корпус Зубова двигался именно так. Азербайджан (вместе с прибрежным Дагестаном) стал коридором в Грузию, а затем и Армению.

Более всех сделал для приобретения этого коридора Павел Цицианов, генерал и князь. Между 1803 и 1806 годами он где угрозами, где уговорами добился перехода в русское подданство нескольких владык Прикаспия. Их присоединение происходило на фоне очередной войны России с Персией (1804-1813), которая старалась ни в коем случае этого не допустить. Но персы с задачей не справились. Свою роль сыграл и юный возраст персидского главнокомандующего, наследника престола Аббаса-Мирзы, и то, что английские военные советники, реформировавшие персидскую армию, оказались ни на что не годны. Но главное было в другом. Мало кого из азербайджанцев вдохновлял возврат персидского доминирования, а ведь в условиях войны выбор у них был только между Россией и Персией, третьего в то время не было дано. Вообще люди прошлого думали и рассуждали явно не так, как считается политкорректным приписывать им сегодня. Простой народ был бесконечно далек от политики, современное понятие национальности отсутствовало. На протяжении веков это понятие заменяла для высших слоев во всем мире присяга тому или иному правителю. Высшим слоям азербайджанских ханств было отлично известно: в случае добровольного присоединения к России они будут уравнены в правах с русским дворянством, и многие увидели здесь для себя интересный шанс. Кстати, этот простой механизм более чем что-либо другое обеспечил конечную победу России на Кавказе.

Если бы присоединение к России было для азербайджанцев полностью неприемлемо, оно бы оказалось невозможным. Яркий пример того, что происходит в подобных случаях — народная война против французов как раз в это время в самой России. К слову сказать, известие о взятии Москвы Наполеоном, быстро достигшее Персии и Кавказа, не добавило шансов персам. Как не добавила их другая война — та, которую Россия параллельно вела с Турцией в 1806-1812 годах. С поразительно малыми силами русская армия в Закавказье решила почти все поставленные задачи.

Этапы присоединения были таковы. В 1805 году России присягнули хан Карабахский Ибрагим и хан Ширванский Мустафа. Добровольно присоединилось также Шекинское ханство. Ханство Гянджинское, отклонившее такую честь, было завоевано, а сама Гянджа на сто с лишним лет переименована в Елизаветполь (в советское время это был Кировабад). 8 (20) февраля 1806 года Цицианов явился принять ключи от Баку у бакинского хана, выразившего готовность сдать город (Бакинское ханство отделилось от Ширванского шестью десятилетиями ранее). С собой Цицианов взял всего двух человек — и не потому, что Гусейн-кули-хан до того дважды, в 1796 и 1803 годах, уже присягал России, а потому, что у генерала был такой обычай. Однако он был вероломно убит (по легенде, на пиру, устроенном в его честь — впрочем, источники противоречат друг другу), после чего русские войска на время отступили. Но

ненадолго. В октябре 1806-го хан бежал из Баку, и город вверил свою судьбу генералу Булгакову. Наконец, в последний день 1812 года генерал Котляревский отбил у персов Ленкорань, столицу Талышского ханства. Это решило исход войны. По Гюлистанскому договору (1813) Персия признала включение Грузии и всех названных азербайджанских ханств в состав России. Нахичеванское ханство добавилось к этому списку после следующей русско-персидской войны (1826-28).

На всякий случай, справка: за время, пока Россия присоединяла Закавказье (1801-1828) Англия отнимает у датчан и шведов их острова в Вест-Индии, начинает отнимать Южную Африку у голландцев, захватывает Тринидад, Цейлон, Мартинику, Маврикий, Гваделупу, Сьерра-Леоне, Гамбию, Золотой Берег, Бирму, откусывает все новые куски Индии. Не дремали и другие европейские страны. В частности, Швеция аннексирует Норвегию.

Северные и южные азербайджанцы

Итак, все части современной Республики Азербайджан оказались включены в Российскую империю. Но можно ли сказать, что Россия была для Азербайджана такой же собирательницей его земель, какой она стала для Украины и Грузии? И да, и нет.

Основной массив исторического Азербайджана остался в составе Персии, принявшей в 1935 году имя Иран. Анализ официальных данных, позволяет сделать вывод, что численность азербайджанцев в этой стране близка сегодня к 22 миллионам человек, т.е. составляет примерно треть 66-миллионного населения Ирана (причем иранская статистика искусственно дробит их на собственно азербайджанцев, гияльцев, мазандеранцев и еще более мелкие этнические группы). Часто приходится слышать, что на самом деле азербайджанцев в Иране гораздо больше, говорят о 25 и даже о 35 миллионах. В то, что их численность здесь искусственно занижается, легко поверить. Дело в том, что по тем же официальным данным, персы составляют лишь 51% населения Ирана, это близко к психологическому рубежу. Еще чуть-чуть — и они останутся в относительном меньшинстве.

В Республике Азербайджан, по официальным данным, живет более 7 миллионов этнических азербайджанцев (при 8-миллионном населении страны), но нередко утверждается, что эта цифра преувеличена. В любом случае, Республика Азербайджан — государство, представляющее лишь четверть азербайджанского народа, а может быть и того меньше.

Это следствие событий 1805-1828 гг, а к ним в свою очередь привело, напомним, предшествующее трехвековое движение России на юг, от берегов Оки к берегам Аракса. На протяжении трех веков Россия последовательно шла к тому, чтобы взять под защиту грузин и армян и остановилась, посчитав, что на прикаспийском направлении задача выполнена. (Борьбу за Карс и Батуми мы не рассматриваем, как не имеющую отношения к Азербайджану.) Главный мотив России здесь трудно поставить под сомнение: того же типа войны она вела в защиту православных украинцев, белорусов, карел, молдаван, греков, румын, болгар, сербов, македонцев,

черногорцев — хотя Россия, случалось, вела войны и «общепринятого», династического типа.

Чем это мессианство обернулось для азербайджанцев? Похмельем в чужом пиру? Не все так просто. Не окажись Северный Азербайджан два века назад в составе России, очень вероятно, что и сегодня азербайджанцы оставались бы народом без своего государства — как курды, уйгуры или баски. Иран пресекал и пресекает любые шаги иранских азербайджанцев в направлении собственной государственности. Хотя правда и то, что значительная часть нынешней иранской элиты — азербайджанского происхождения.

С другой стороны, хотя азербайджанцы и до 1805 года жили в разных ханствах, едва ли между ними мог возникнуть тот разрыв (некоторые даже говорят о пропасти), который налицо сегодня. Как современные нации, азербайджанцы Севера и азербайджанцы Юга сформировались в двух разных культурно-политических средах. Вот почему это во многом разные по менталитету народы. Накопились и языковые различия.

Сказанное не следует понимать так, что иранские азербайджанцы — ухудшенное издание своих северных собратьев. Еще дореволюционный «Новый энциклопедический словарь» (т. 1, СПб, 1911, стб. 542) в статье «Азербейджан» (написание именно таково) характеризовал эту персидскую провинцию так: *«Самая богатая торговая и промышленная часть Персии... Население сильнее и мужественнее, чем в остальной Персии... Во время персидской революции (1908-09) Азербейджан сыграл выдающуюся роль как оплот конституционалистов».*

Однако судьба распорядилась так, что иранские азербайджанцы не знали собственной государственности, а это бесценный опыт. Не прошли они и школу форсированной модернизации российского, а затем советского образца. При всех издержках такой модернизации современная Республика Азербайджан имеет сегодня по ее итогам главное: обучаемое общество, чего, к сожалению, пока не скажешь о многих исламских странах. Обучаемость — качество, о котором постоянно забывают политологи и даже социологи — не сваливается с неба и не возникает само собой. Оно опирается на каркас образования, культуры, науки, технологий, а также на терпимость к разнообразию, на податливость к переменам. Выкорчевать все это из общества неспособны даже длительные периоды бедности и гражданских потрясений. Пессимисты говорят в такие времена: «Ну вот, ничего не осталось, все разбежались и разъехались, все распалось и разрушено, теперь ничего и никогда больше не будет». Однако едва страна переводит дух, все «отрастает» (пользуясь языком биржевиков) заново.

Этническая консолидация

Сегодня бывшие советские азербайджанцы — гораздо более «европейский» народ по сравнению со своими иранскими собратьями. В идее присоединения Республики Азербайджан к Евросоюзу в случае улаживания карабахского конфликта нет ничего экзотического. А вот разговор о воссоединении разделенной азербайджанской нации далеко не у всех в сегодняшнем Азербайджане вызывает громадный энтузиазм: многие не хотят оказаться затоплены более бедной, менее

образованной (почти четверть взрослого населения Ирана неграмотна), но вполне готовой к битве за рабочие места многомиллионной толпой «дальних родственников».

Более того. Можно утверждать, что «северные» азербайджанцы впервые стали единым народом, а затем и консолидировались в нацию именно во время своего пребывания в Российской империи. Ведь до того народ с таким этнонимом (производным от топонима) не был известен миру. В дореволюционной России этот народ называли «кавказскими татарами», деятели азербайджанского национального возрождения конца XIX — начала XX вв. называли своих соотечественников «тюрками». Лишь после обретения государственности азербайджанцы усвоили свой нынешний этноним и стали считать себя единым народом, чего не было даже еще на пороге XX века. И в мире они воспринимаются как единый народ.

Для этого есть все основания: антропологически абсолютное большинство азербайджанцев, как указывает в монографии «В поисках предков» академик В. П. Алексеев, представляют собой особый каспийский (восточномедиземноморский) тип, принадлежащий к единой индо-афганской расе, куда входят также ряд народов Афганистана, Северной Индии и древней, домонгольской Туркмении, а также ряд этнических групп Ирана. Агваны, прямые предки современных азербайджанцев, — узколистые миниатюрные каспийцы — появляются в эпоху поздней бронзы, переселившись с юго-востока, но их происхождение уходит в гораздо более раннюю эпоху неолита и ранней бронзы.

Как доказала в своем исследовании «Откуда пришли индоари?» доктор исторических наук Е. Е. Кузьмина, сама индо-афганская раса — это потомки представителей т. н. «андроновской общины», двинувшихся из Прикаспия и нынешнего Казахстана за 1,5 тыс. лет до нашей эры в Индию и Иран и превратившихся в «индоариев» (оставшаяся на месте часть «андроновцев» дала жизнь скифам и сарматам). Однако не все индоарию закрепились там, куда увлекла их цель завоевания. Часть откололась и, пройдя круглым путем через нынешний Афганистан, вернулась на Каспий, но уже с другой его стороны. На этой расовой базе и сложился сегодняшний азербайджанский народ.

Важность указанных обстоятельств для нашей темы не бросается в глаза. Тем не менее, она налицо. Поскольку ираноязычные «андроновцы» не возникли сами собой между Каспием и Китаем, а явились сюда с Севера, пройдя через Русскую равнину, предположение о наличии общих предков у русских и азербайджанцев в IV-III тысячелетиях до н.э. вполне реально. А если принять во внимание, что скифы и сарматы поучаствовали в этногенезе славян в позднейшие времена, то мотивировка нашего родства, пусть отдаленного, лишь укрепляется.

Бакинский нефтяной козырь

Главным последствием присоединения Северного Азербайджана к России стала его быстрая модернизация. В составе России азербайджанские земли скоро стали спокойным и безопасным местом. Здесь даже стали селиться молokane (поначалу не по своей воле), русские казаки и немецкие колонисты, основавшие близ

Гянджи городок Еленендорф, ныне Ханлар. Интерес и симпатию русского общества 1830-х годов к «кавказским татарам» можно ощутить, прочтя сказку Лермонтова «Ашик-Кериб», основанную на азербайджанском источнике.

По пути модернизации — от феодального общества к индустриальному — Азербайджан двинулся начиная с середины XIX века. Крестьянская реформа высвободила рабочие руки для промышленности, товарного сельского хозяйства, рыболовства и судоходства на Каспии, а главное — для нефтедобычи. С 1899 года Батум, Тифлис, Александрополь и другие города Закавказья были через Баку и Дербент соединены с железнодорожной сетью остальной России. Но уже задолго до того Азербайджан и все Закавказье были вовлечены в общероссийский рынок через Бакинский порт и Волгу. Именно на Каспийском море плавал первый в мире танкер «Зороастр».

Когда мы читаем, что в XX век Россия вступила главной нефтедобывающей страной мира, что на ее долю в 1901 приходилось более половины мировой добычи, надо отдавать себе отчет, что речь идет на 90% о бакинской нефти. Благодаря бакинской нефти большинство российских локомотивов ходило на мазуте. Для России с ее расстояниями это было исключительно разумно — крен в пользу угля могли себе позволить страны с небольшими расстояниями, но не Россия.

В основном на мазуте работала также промышленность Поволжья и Центрального района, на нефтетопливе работал весь каспийский и волжский флот. К такой структуре топливного баланса остальной мир придет лишь к 1950-м. Бакинская нефть во многом обеспечивала быстрое развитие всей России.

Но обладание нефтью всегда бывает чревато неприятностями. В 1903 году в Баку начались крупные стачки. Они попали в советские учебники как боевая заслуга большевиков. Историк А. А. Иголкин выяснил, что все это сказки. Беспорядки были внешне немотивированными, забастовщики не предъявляли никаких требований. Страшнее всего были поджоги, за 1903 год сгорел почти миллион тонн нефти, немыслимое по тем временам количество. Люди надолго теряли заработок, озлоблялись, что вело к межэтническим столкновениям. «Буза», как тогда говорили, длилась два года, вызвав резкий спад нефтедобычи и утрату европейского керосинового рынка в пользу Рокфеллера. Когда эта цель была достигнута, беспорядки «почему-то» вмиг утихли. Но к тому времени топливный голод забивает российские железные дороги угольными перевозками. К 1913 году доля бакинской нефти в топливном балансе российской промышленности снизилась до 56%, на железных дорогах — до 33%. Особенно губительными стали последствия перехода с мазутного на угольное топливо в годы Первой мировой.

Обострение армянского вопроса

Еще в 1860 году Баку имел всего 14 тыс. жителей и вел весьма небольшую торговлю. Всего за полвека вырос целый новый город с великолепной набережной, с улицами европейского облика, синематографами, ресторанами и клубами — но и с убогими окраинами. В 1910 году здесь было уже 224 тысячи жителей. *«Ни один город России не развивался так быстро»*, — пишет дореволюционная энциклопедия. За это

время Баку стал интернациональным городом. Достаточно упомянуть, что здесь родился Рихард Зорге (а позже, в 1942-м, НКВД даже выявил среди бакинских обывателей двоюродную сестру нацистского идеолога Альфреда Розенберга). Стремительно складывалась предпринимательская буржуазия. Но в списках капиталистов (Аваков, Адамов, Асадуллаев, Вартанов, Воронцов-Дашков, Гукасов, Дадиани, Кварстрем, братья Красильниковы, Лианозов, Мансветов, Манташев, Меликов, братья Мирзоевы, Мухтаров, Нагиев, Нобель, Питоев, Поляк, Рыльских, Тагиев, Тер-Акопов, Хатисов, Шibaев и т.д.) азербайджанцев хоть и немало, но они отнюдь не в большинстве. Преобладают армяне — и как конкуренты они раздражают сильнее всего.

Прислушаемся к художественным свидетельствам. В 30-е годы в Берлине на немецком языке вышел роман «Али и Нино», подписанный неведомым именем Курбан Саид. В 1971 роман был переведен на английский, а в 90-е годы вышел на азербайджанском и русском. Несмотря на сюжетную лубочность, он густо насыщен реалиями дореволюционного Баку и Карабаха, придумать которые невозможно. Вот отношение героя, юного азербайджанца из богатого и знатного рода, к армянам: *«Я с признательностью пожал ему руку. Значит, в самом деле, и среди армян есть достойные люди. Это открытие ошеломило меня»*. (По сюжету герой позже понял, что пожимал эту руку зря.)

А вот с каким отношением к себе были вынуждены мириться сами азербайджанцы. Герой описывает выпускной вечер в своей гимназии (русской): *«Подруги и сестры моих одноклассников стояли по углам и весело болтали. Среди них было много светловолосых, голубоглазых русских девушек. Они разговаривали с русскими, иногда с армянами или грузинами, но стоило заговорить с ними мусульманину, как девушки тут же насмешливо фыркали, что-то односложно отвечали и отходили»*. Стремительно взрослеющую нацию должна была оскорблять сама возможность подобной атмосферы у себя дома.

Корни антагонизма, впрочем, гораздо глубже. Свое начало он берет за много веков до присоединения азербайджанских ханств к России. В советское время на Кавказе было защищено немало диссертаций о прогрессивном значении присоединения того или иного княжества (либо ханства) к России. От соискателя к соискателю переходил следующий довод: раньше кавказские народы беспрерывно резали друг друга, а после присоединения к России с этим было покончено. Диссертанты упрощали дело. Для Кавказа были характерны не только вспышки вражды и мелких войн, иногда действительно разгоравшихся между крошечными княжествами, бекствами, шамхальствами и меликствами, но и уникальный опыт мирного и даже дружелюбного сосуществования языков и вероисповеданий. Иначе не понять, например, появление таких ашугов как Саят-Нова, сочинявшего свои песни не только на армянском и грузинском, но и на азербайджанском языке. Порой он записывал азербайджанские тексты армянскими буквами.

В «Али и Нино» описано соревнование народных певцов в Карабахе. Поражает атмосфера двуязычия. *«В село съехалось много богатых мусульман и армян со всего Карабаха, они жаждали насладиться искусством ашугов»*. Не можем отказать себе в

удовольствию процитировать описание Шуши: *«Шуша очень благочестивый город: для 60 тысяч населения здесь десять мечетей и семнадцать церквей. В этом городе, со всех сторон окруженном живописными горами, лесами, реками, издавна жили мусульмане и христиане. Люди строили себе в горах и долинах маленькие домики из необожженного кирпича и торжественно именовали их дворцами. Дворцы эти принадлежали мусульманским бекам и агаларам и армянским помещикам — меликам и нахарарам. Хозяева дворцов могли часами сидеть на веранде, курить кальян и рассказывать о том, как неоднократно Россию спасали царские генералы родом из Карабаха, и вообще неизвестно, что стало бы с империей, если б не карабахцы».* Это в Карабахе неистребимо.

Сегодня азербайджанские и армянские сайты предлагают свои объяснения много раз вспыхивавшей (но всегда затем утихавшей!) армяно-азербайджанской вражды. Причины этой спорадической вражды не религиозные, как часто изображают. Армяне и азербайджанцы (кроме крестьян) начиная со Средних веков выполняли на одной и той же территории достаточно разные социальные функции. В силу особенностей исторической судьбы у армян раньше сложилось сословие ремесленников, раньше сложилось купечество, а затем и национальная буржуазия. Поколения азербайджанских купцов и предпринимателей с досадой убеждались, что у армян давно все схвачено и лучшие места заняты — не только в Шемахе, Нахичевани или Баку, но и в Тифлисе, Астрахани, Москве, Стамбуле, Тавризе, Багдаде, Бейруте, Измире. Похожие претензии были к армянам и у турок (но не у персов, старой торговой и ремесленной нации). В Османской империи армяне занимались откупам, давали ссуды губернаторам и даже султану. То же, в более скромных объемах, происходило в азербайджанских ханствах. Такую прослойку, особенно если она иной веры, не любят нигде и никогда, — но при этом поколение за поколением вполне могут уживаться на одной улице и даже вместе слушать ашугов. И даже отмечать религиозные праздники соседей иной веры, ведь для праздника любой повод хорош. Но противоречия никуда не девались.

Прочитываем историка Геннадия Головкина: *«Во время правления ханов в этой части Закавказья главенствовало мусульманское население. Армяне сильно зависели от мусульман, находясь у них в услужении, а также занимаясь торговлей и ремеслами. Однако в связи с завоеванием этого края Россией положение резко изменилось. К мусульманам, как воевавшим с Россией, сохранилось со стороны властей настороженное отношение, тогда как армяне получили ряд преимуществ, включая допуск к разным подрядам и поставкам, возможность приема на государственную службу. За счет привилегированного положения материальное благосостояние армян быстро росло, они постепенно стали богаче татар. Так, по мнению кутаисского губернатора Старосельского, "татарин производил шелк, шерсть, хлопок, виноград, разводил скот; армянин-купец ссужал его деньгами под залог урожая или продукта, скупал по дешевой цене все, что требовал рынок, и перепродавал с барышом. Армянин богател, татарин беднел и ежечасно убеждался, что кабала, в которую он ввергается непонятными ему новыми условиями хозяйственно-промышленной жизни, возрастает. Естественно, что виновником такого незавидного положения татарину представлялся армянин, тот самый гяур,*

который недавно еще, при ханах, был обезврежен путем ограничения в личных и имущественных правах, а теперь стал господином».

В XX веке первый звонок прозвенел в 1905 году, в феврале. Все началась с заурядной уличной стычки, а кончилось «татарско-армянской войной» (как тогда писали) с множеством убитых, которая длилась с небольшими перерывами целый год. Масса армян бежала из Баку: только за пять дней февраля — около десяти тысяч. Для прекращения беспорядков пришлось вызывать казачьи части. Даже помня об общей загадочности событий 1903-1905 гг, инспирированных какими-то неустановленными силами извне, понимаешь, что горючего материала в Баку было достаточно. В глазах бедноты, состоявшей в основном из азербайджанцев, более богатые армянские ремесленники и лавочники воплощали собой неправильное устройство мира. Это было столкновение на почве одновременно и классово, и национальной ненависти.

В 1905 году власти впервые довольно откровенно приняли сторону обычно законопослушных мусульман против строптивых и политиканствующих армян; в отместку губернатор Баку князь Накашидзе был убит армянскими террористами из партии Дашнакцутюн с помощью бомбы, от которой погибли также фазтонщик и два перса — торговца цветами. Из Баку вооруженное противостояние перекинулось в другие области — в Эривань, Нахичевань, Шушу, Гянджу, Елизаветполь. В Тифлисе ради поддержания мира наместник Воронцов-Дашков не придумал ничего умнее, как раздать пятьсот винтовок боевикам партии меньшевиков (потом удалось вернуть лишь 350 стволов). Кутаисский губернатор Старосельский так описывал события: *«Последовавшие за бакинским столкновения в многочисленных пунктах по всей территории Восточного Закавказья составляют лишь продолжение бакинской драмы. Они осложнились кровной мстостью, стремлением к быстрой наживе, кое-где земельными спорами, но повсюду носили характер войны двух враждующих народов. Стороны имели хорошо вооруженные армии, даже пушки, изготовленные из [труб] керосинопровода, устраивали правильные окопы, засады, осаждали и штурмовали села и города, брали пленных...».* Как писал по горячим следам свидетель событий меньшевик Уратадзе, общее количество жертв превысило 10 тысяч человек, а материальные убытки перевалили за сто миллионов рублей. Однако резня 1905 года померкла на фоне событий 1917-1920 годов.

ГЛАВА 2. ДВЕ РЕСПУБЛИКИ

Революционная неразбериха

28 мая 1918 года Азербайджан провозгласил независимость и стал Азербайджанской демократической республикой (АзДР), первой республикой в мусульманском мире, чем азербайджанцы вправе гордиться — Турция решилась стать республикой лишь пятью годами позже. Можно, конечно, вспомнить, что независимых мусульманских государств в мае 1918-го в мире вообще числилось всего семь —

Турция, Персия, Афганистан, доживавший последние дни Бухарский эмират да три мелкие монархии внутренней Аравии, чудом не доставшиеся ни Турции, ни Англии. И все равно психологически этот шаг Азербайджана был исключительной важен. Молодая мусульманская нация делала серьезную заявку: мы можем жить без ханов, шахов и султанов, мы будем строить свое государство на основе современной выборной многопартийной демократии.

Независимость пришла неожиданно. Кампания 1915-16 гг. на Кавказском театре против Турции была успешной, русская армия заняла Эрзерум, Ван, Битлис, Эрзинджан, Трапезунд (Трабзон), перешла Курдское нагорье, вступила в верховья Тигра и Евфрата, выбила турок из Персии. Очередное поражение старинного врага уже не вызывало сомнений. Мусульмане России не подлежали призыву, но некоторые из них, вдохновленные победами империи, пошли на войну добровольно. Партия «Мусават» («Справедливость») не разделяла подобных настроений. Она была против войны с братской Турцией и мечтала о поражении России в этой войне, в чем совпадала с большевиками. Однако активных действий принципиально законопослушный «Мусават» не предпринимал. Известие о Февральской революции поразило всех как гром. 2 марта 1917 года император Николай II под давлением своего окружения отрекся от престола. После этого акта Российская империя была обречена. Протест выразили лишь два выдающихся генерала — Федор Келлер и Гусейн-хан Нахичеванский, азербайджанец по происхождению. Оба они предложили себя и свои войска в распоряжение государя для подавления мятежа. Увы, их телеграммы даже не были переданы Николаю. Гусейн-хан отказался присягать Временному правительству и безуспешно пытался отговорить от такой присяги командующего Кавказским фронтом великого князя Николая Николаевича.

Судьба Гусейн-хана Нахичеванского символична. Большевики отомстили ему. 18 мая 1918 года он был арестован в Петрограде как заложник и расстрелян вместе с великими князьями Павлом Александровичем, Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем и Дмитрием Константиновичем в Петропавловской крепости. Он останется в памяти России и Азербайджана примером выдающейся верности долгу и присяге.

Но вернемся чуть назад. Смешно верить, что революции происходят лишь тогда, когда «верхи не могут, низы не хотят». Гораздо чаще толчок им дает сплоченная группа единомышленников, сумевших не упустить случай. Именно *случай* — вроде сильнейших снегопадов в феврале 1917 года, небольшого перерыва в подвозе продовольствия в Петроград, маленькой паузы в снабжении города хлебом. Группа лиц, близких к верховной власти, сочла тогда, что счастье само плывет в руки. Она умело инспирировала волнения в Петрограде, почему-то решив, что сумеет управлять событиями и дальше. Но *случаем*, который предоставили эти волнения, обрадованно воспользовалось множество других сил, и эти силы довольно быстро затоптали недалёковидных инициаторов событий.

Для политических партий в национальных регионах Российской империи Февральская революция в Петрограде, в свою очередь, стала *случаем*, который они

поспешили употребить в свою пользу, и было бы странно, если бы они поступили иначе. В Азербайджане не упустили свой случай «Мусават», «Иттихад», «Гуммет», федералисты. А также, конечно, эсеры и большевики.

Сам факт наличия в Азербайджане устойчивых партий, выглядящий сегодня само собой разумеющимся, не был таковым в мировых реалиях начала XX века. События 1918-20 годов не будут понятны, если мы забудем, что Россия была нетипичной империей. Почему Азербайджан стал первой республикой в исламском мире? Потому что его подготовило к этому пребывание в стремительно демократизировавшейся России. И с первым демократическим парламентом, равно как и с законом о выборах, Азербайджан опередил другие мусульманские страны по очевидной причине: у его населения уже был опыт участия в шести общероссийских выборах (четыре — в Государственную Думу, муниципальных выборах летом 1917 года и выборах в Учредительное собрание осенью того же года). Алимардан Топчибашев, ставший 7 декабря 1918 года председателем азербайджанского парламента, в прошлом был депутатом I Государственной Думы, а Фатали-хан Хойский — II Государственной Думы (Ульянов-Ленин В. И. тоже выставлял свою кандидатуру на выборах во Вторую Думу, но не прошел, а Хойский прошел); видный деятель «Мусавата» Мамед-Юсуф Джафаров был депутатом и IV Государственной Думы, и Всероссийского Учредительного собрания; несколько известных азербайджанских политиков, в том числе члены ЦК «Мусавата» Гасан Агаев и Насиб Усуббеков (будущий председатель Совета министров АзДР), были избраны во Всероссийское Учредительное собрание, тогда как их коллега по ЦК Мустафа Векилов был членом Временного Совета Российской республики (Предпарламента). Этот список можно продолжать довольно долго.

Правом избирать и быть избранными каждого российского подданного наделил еще избирательный закон 1906 года. Недостающие демократические свободы были узаконены российским Временным правительством сразу вслед за взятием власти. Сегодня политическое равноправие всех народов и национальностей кажется естественным как воздух, но стоит напомнить, что установление такого равноправия в России, никогда не считавшей себя колониальной империей, было для своего времени достаточно авангардным. На подобное не отважились даже французские левые в период нахождения у власти Народного Фронта (1936-38 гг.). Новшеством мирового уровня было и полное уравнивание женщин в правах с мужчинами, введенное Временным правительством (в этом Россия опередила Англию, Францию, Швейцарию и еще ряд «продвинутых» стран). Все это было воспроизведено в законах Азербайджанской демократической республики.

Важнейшую роль сыграл и тот факт, что Временное правительство 1 (14) сентября 1917 года объявило Россию республикой. Азербайджанские демократы полностью приняли эти перемены, искренне считая их своими. Мамед Эмин Расулзаде видел обновленную Россию *«таким зданием, в котором каждая нация имела бы принадлежащую ей собственную квартиру»* (из речи на Всероссийском мусульманском съезде в Москве, 1-11 мая 1917г.). Впоследствии основоположники азербайджанской независимости не раз говорили, что не случись большевистского

переворота, они посчитали бы вполне приемлемым пребывание Азербайджана в составе демократической Российской республики.

Увы, этой республике была уготована та же судьба, что и Азербайджанской. Российская республика просуществовала всего 56 дней — до 25 октября (7 ноября) 1917 года, а Азербайджанская — формально целых 23 месяца. Но и та, и другая были уничтожены большевиками и под руководством одних и тех же лиц. Однако мы забежали вперед.

Уже в марте 1917-го партия «Мусават», слившись с азербайджанскими федералистами, стала Тюркской Демократической Партией Федералистов «Мусават». В этом названии важно каждое слово. Например, слово «федералисты» означает, что партия объединяла людей, стремившихся сделать Россию федерацией народов. Но в первую очередь все устремления «Мусавата» были направлены на ускоренную модернизацию азербайджанского общества. Программа партии более или менее отвечала всем демократическим стандартам того времени.

Пока «Мусават», «Гуммет» (социалисты) и другие партии готовились к выборам во всероссийское Учредительное собрание, активность на турецком фронте пошла на убыль. В июне 1917-го корпус генерала Баратова прервал наступление, будучи всего в 130 верстах от Багдада. Мы никогда не узнаем, как события развивались бы здесь дальше, ибо, как известно, четыре месяца спустя власть в российской столице захватили большевики, сразу же начавшие переговоры о перемирии. После подписания перемирия 2 (15) декабря 1917 г. русские части начали покидать Кавказский фронт. Ноябрь и декабрь 1917 года в Закавказье были временем томительной неясности. Сегодня кажется непонятным, почему Азербайджан, Армения и Грузия не провозгласили независимость немедленно после большевистского переворота в Петрограде. Но задают такой вопрос люди, знающие, что было потом. Тогда же многое виделось иначе: ну, был у власти эсер Керенский, пришел большевик Ленин, оба социалисты. Что тот незаконный, что этот. Главное, что выборы во всероссийское Учредительное собрание не отменены. Дождемся выборов, посмотрим. Выборы прошли 12 (25) ноября, созыв собрания назначили на начало января 1918 года. Что такое большевики, страна уяснила лишь когда они разогнали Учредительное собрание. С этого момента отделение национальных окраин от России стало неизбежным.

Первая кровь Гражданской войны

В ноябре 1917 года обычное для России тех месяцев двоевластие переросло в Баку в тяжелый конфликт. Бакинский Совет во главе с Шаумяном (характерно, что не азербайджанцем) объявил себя единственной властью в городе, подчиненной лишь ленинскому Совнаркому. По версии Совета, вся Бакинская губерния становилась частью РСФСР. Со всем этим были резко несогласны Бакинская Дума и «Мусават». Население в массовом порядке вооружалось, в регионе стали множиться столкновения, в них втягивались следовавшие с фронта войска. Тысячи человек погибли в жуткой трагедии у станции Шамхор близ Гянджи. Историк В. П. Булдаков

описывает случившееся по материалам следственной комиссии: *«Уходящие с фронта русские войска оставляли часть оружия армянам, вынужденным более других думать об опасности турецкого вторжения. Это нервировало азербайджанцев. 9 января (нового стиля) 1918 года у станции Шамхор один из воинских эшелонов был остановлен заградительным отрядом с бронепоездом Закавказского Краевого совета. В течение двух суток, пока шли переговоры, к станции съехались, с одной стороны, тысячи азербайджанских крестьян, рассчитывающих на свою долю оружия, с другой — еще три воинских эшелона. Началась стрельба, один из снарядов угодил в огромный резервуар с нефтью. Горящая нефть хлынула в низину, где расположились со своим подводами азербайджанцы. Вскоре взорвалось еще несколько емкостей с горючим, после чего пламя охватило и часть вагонов, в том числе во встречном пассажирском поезде, следовавшем в Тифлис. Количество убитых и заживо сгоревших с той и другой стороны так и не удалось подсчитать, но жертвы исчислялись тысячами».*

Благодаря принятому годом ранее решению Временного правительства о переформировании армии по национальному признаку, в Кавказской армии успел появиться Армянский корпус. Теперь 4 тысячи вооруженных солдат и офицеров этого корпуса находились в Баку. Вдобавок, в Бакинской губернии оказалось множество армян-беженцев из Персии, турецкой Армении и турецкого Курдистана. Армяне были уверены, что «Мусават» вот-вот пригласит в Азербайджан турецкую армию и вооружались на этот случай. А Шаумян, рассуждали они, если уж и пригласит внешнюю силу, то только антитурецкую. И такая сила есть, это английский корпус в Персии. (Российские большевики были далеко и пока помочь не могли.)

Силы были неравны: Бакинский Совет располагал даже собственной «Красной армией», на стороне же «Мусавата» и Бакинской Думы были не слишком многочисленные азербайджанские отряды «мусульманской самообороны» и демобилизованный Татарский (т. е. азербайджанский) конный полк Кавказской туземной дивизии, известной также под именем «Дикой дивизии». 28 марта – 1 апреля 1918 г. в Баку (а затем еще в семи уездах) развернулись настоящие межэтнические сражения, далеко затмившие 1905 год. Все началось с того, что 27 марта 1918 года пароход «Эвелина» доставил в Баку офицеров и рядовых Татарского (азербайджанского) конного полка так называемой Дикой дивизии во главе с генералом Ханом Талышинским. Они прибыли из Ленкорани, где был расквартирован полк, на похороны офицера полка Мамеда Тагиева, сына самого известного человека Азербайджана, Гаджи Тагиева, миллионера и мецената. Бакинские комиссары напряглись, ожидая чего угодно. Полк, формально уже упраздненный, готовился к тому, чтобы влиться в Мусульманский (Азербайджанский) корпус, формировавшийся по решению Закавказского комиссариата. Когда ничего не подозревавшие сослуживцы покойного вернулись после похорон на корабль, комиссары решились на дерзкую провокацию. Они запретили капитану «Эвелины» покидать порт и потребовали, чтобы

военнослужащие сдали оружие, дав им на это 24 часа. На пассажирский пароход были наведены пушки. Вдобавок, по приказу Бакинского совета был арестован генерал Талышинский.

Встревоженное азербайджанское население стало собираться на митинги, требуя одновременного разоружения находящихся в Баку армянских формирований. Степан Шаумян с простодушным цинизмом рассказывает о дальнейшем так: *«Мы воспользовались поводом, первой попыткой нападения на наш конный отряд и открыли наступление по всему фронту... У нас уже были вооруженные отряды около 6 тысяч человек. У дашнаков имелись также около 3-4 тысяч национальных частей. Участие последних придало отчасти гражданской войне характер национальной резни, но избежать этого не было возможности. Мы шли сознательно на это. Если бы они взяли верх в Баку, город был бы объявлен столицей Азербайджана»* (С.Г.Шаумян. Избранные произведения. — М., 1978, с. 246). Обратите внимание: «воспользовались», «шли сознательно», «по всему фронту». Что за фронт имеется в виду?

Ответ прост: знаменитые «бакинские комиссары» сознательно пошли на резню азербайджанцев, лишь бы Баку не был объявлен столицей Азербайджана! Историк Фархад Агамалиев поясняет: *«Лишь энергичное вмешательство 36 Туркестанского полка бывшей царской армии, временно расквартированного за городом в ожидании отправки в Россию, спасло азербайджанцев от вполне возможного поголовного истребления».*

Считается, что в одном лишь Баку погибло 13 тысяч человек, в основном азербайджанцы. В советских учебниках это массовое истребление людей потом именовали «антисоветским мятежом мусаватистов». (Президентским указом день 31 марта объявлен в Азербайджане «Днем памяти жертв геноцида азербайджанцев».)

Полтора года спустя М. Расулзаде писал о случившемся: *«“Мусават” обвиняют в том, что он вызвал мартовские события, защищая идею автономии Азербайджана. Это может быть похоже отчасти на правду. Если бы мы покорно гнули головы перед врагами нашей свободы, не было бы, может быть, этих событий. Но мы этого сделать не могли. Мы открыто в то время требовали автономию для Азербайджана. Этим мы увеличивали число наших врагов».* Заметьте: пока автономию, еще не полную независимость. Решиться на необратимый шаг не так просто. Но вскоре все изменилось.

Какое-то время после большевистского переворота в Петрограде власть в Закавказье продолжала оставаться в руках двух конкурирующих структур — Закавказского Комиссариата (детища свергнутого Временного правительства) и Закавказского Краевого совета. Обе они отказались признать Совнарком во главе с Лениным. 23 февраля 1918 года верховной властью в Закавказье объявил себя Закавказский Сейм в составе депутатов всероссийского Учредительного Собрания от

закавказских избирательных округов. Депутатов от Азербайджана в Сейме оказалось 44 человека. Депутаты-большевики отказались от участия. В разгар работы Сейма пришло известие, что ленинский Совнарком подписал с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией Брестский мир, по которому, в частности, уступил туркам Карсскую и Батумскую области. (После всех российских побед на турецком фронте!) Мнением закавказских народов Совнарком не поинтересовался.

Главный приз — Баку

После двух месяцев прений и под давлением турок Сейм провозгласил (22 апреля 1918 года) независимую Закавказскую демократическую федеративную республику (ЗДФР). Турции только это и нужно было. Она Брестский мир подписывала с Россией, а с ЗДФР можно говорить более жестким языком. Не довольствуясь Карсом и Батумом, турецкая армия заняла Александрополь, оказавшись опасно близко от Тифлиса. Грузины решили, что втроем не спастись, каждый должен спасаться сам. На сепаратных переговорах с немцами они просили их взять Грузию под свой протекторат. Немцев не надо было уговаривать, им был нужен контроль над трубопроводом Баку-Батуми, единственной в то время артерией транспортировки нефтепродуктов. Независимую Грузию соседи вскоре стали ласково называть «Грузинской Нефтепроводной Республикой».

Едва 3 тысячи немецких солдат высадились в Поти, грузинская фракция Закавказского Сейма объявила о независимости Грузии. Это было 7 июня 1918 года. Азербайджанский депутат Фатали-хан Хойский сказал пророческие слова: *«Народы Закавказья настолько тесно связаны друг с другом, что разделение их окажется совсем непростым»*. Но добавил: *«Азербайджанцам не остается ничего другого, как принять аналогичное решение»*. Азербайджанская фракция в главе с Мамедом Расулзаде объявила себя Временным Национальным советом и 10 июня провозгласила Азербайджанскую Демократическую Республику (АзДР). Премьером был избран Ф. Хойский. Но местом торжественного акта стал не Баку, а Тифлис.

Баку, окончательно ставший главным оплотом большевизма на всем Южном Кавказе, оставался для правительства Азербайджана недоступен, там была объявлена «пролетарская диктатура». Проводил ее в жизнь Бакинский Совнарком. Рассматривая подвластную территорию как часть РСФСР, Совнарком спешно национализировал нефтедобычу и каспийский флот. Главным же образом комиссары занимались вывозом нефти в Астрахань для спасения большевиков метрополии. Через короткое время стало ясно, что этому скоро может придти конец: в середине июня турки уже вошли в Гянджу и Евлах. Если бы они взяли Баку сходу, мировая история могла бы пойти иным курсом (об этом чуть ниже). Но продвижение было медленным. Доктор исторических наук Фарид Алекперов констатирует: 27 июля турки были всего в 16 км от Баку, однако чтобы овладеть городом им понадобилось еще 50 дней.

В июле, ввиду турецкой угрозы, Бакинский Совет пригласил английские войска, находившиеся в Персии, а власть сдал «Диктатуре Центрокаспия» (Центрального комитета Каспийской военной флотилии), которая и взяла на себя оборону Баку от турок и делала это довольно успешно: за два следующих месяца турки смогли продвинуться лишь до Кюрдамира и Шемахи, т.е. всего на 150 километров. До Баку оставалось еще столько же.

Англичан тоже прельщала бакинская нефть, в связи с чем они охотно откликнулись. Числом около тысячи человек они прибыли в Баку 4 августа. Свою роль британцы видели лишь в том, чтобы быть «инструкторами и вдохновителями» войск Центрокаспия и «оказывать политическую поддержку» его правительству.

Совнаркомовцы же на нескольких пароходах отплыли 14 августа из Баку в Астрахань. До цели они не дошли, их настигли в море военные корабли Центрокаспия. Пароходы под конвоем были возвращены обратно. Оказалось, комиссары покинули Баку «без сдачи отчета об израсходовании народных денег». Их обвинили также в незаконном вывозе военного имущества и измене (по некоторым источникам, «в бегстве перед лицом неприятеля»). История с расстрелом 26 бакинских комиссаров на туркменской стороне Каспийского моря остается темной. Ясно одно: это не была месть азербайджанцев за резню марта 1918 года, такой версии вообще нет. За событиями в Баку нервно следили немцы. 27 августа в Берлине между Германией и ленинским режимом было подписано дополнительное соглашение к Брестскому мирному договору. В нем немцы, среди прочего, брали на себя обязательство препятствовать пересечению границ Шемахинского и Бакинского уездов войсками любой третьей державы. Не то, чтобы немцы хотели навредить своей союзнице Турции. Просто они боялись, что обороняющиеся могут сжечь нефтепромыслы в случае вступления турок в город. Другими словами, Германия желала, чтобы по крайней мере до конца войны Баку оставался в составе большевистской России. Взамен последняя должна была поставлять Германии четвертую часть добываемой в Баку нефти либо иное согласованное (читай: большее) ее количество.

Но все это относилось уже к области грёз. Исполнять соглашение, подписанное ленинскими посланцами, было некому. Большевиков в Баку к моменту его подписания и след простыл, а Центрокаспию Ленин был не товарищ. Но даже если бы соглашение от 27 августа исполнялось, спасти Германию оно уже не могло. Были упущены решающие 10-12 недель.

Англичане пробыли на Апшероне совсем недолго. Едва стало известно, что турки перебросили к Баку дополнительные части с Месопотамского, Сирийского и Балканского фронтов, англичане эвакуировались в Иран, а правительство Центрокаспия – в Петровск (ныне Махачкала).

Становление Первой республики

Баку пал 15 сентября 1918 года. Как в средние века, город на три дня был отдан солдатне. Погибли тысячи мирных жителей — на этот раз, в основном, среди армян. Промыслы пострадали мало, их берегли все участники сражений, так что немцы беспокоились зря: наоборот, захвати турки нефтепромыслы раньше, они наладили бы куда более уверенную доставку бакинской нефти и нефтепродуктов своей союзнице Германии, чем ненадежные большевиков.

Винить правительство АЗДР эксцессах и жертвах тех сентябрьских дней невозможно. Оно само смогло въехать в свою столицу лишь на третий день, когда обстановка чуть разрядилась. Больше оно не покидало Баку до последнего дня существования республики.

Упорная оборона Баку стала роковой для Германии. Первая Мировая завершалась как война моторов. Если бы турки взяли Баку тремя месяцами раньше, последнее и решающее немецкое наступление на Западном фронте, начатое 15 июля, вполне могло оказаться успешным. 4 июня 1918 года немцы оказались всего в 70 километрах от Парижа, для Антанты все повисло на волоске. Однако уже в августе отчаянный немецкий натиск захлебнулся из-за нехватки топлива и к 9 сентября немцы отошли на позиции, с которых начинали свое последнее наступление в этой войне. «Тяжким ударом» назвал бакинскую неудачу в своих мемуарах германский полководец Людендорф.

Это был первый из трех моментов в истории XX века, когда она решалась в Баку. Спасибо генералу Докучаеву, командующему войсками Центрокаспия.

Не спасла бакинская нефть и самих турок. 30 октября 1918 г. Турция признала свое поражение в Мировой войне.

Турки ушли, но вернулись англичане, первым делом снявшие в городе все азербайджанские флаги. Правительству Азербайджана пришлось долго доказывать, что оно не детище турецкой военщины. Что помогло правительству устоять? Не только твердость и дипломатический талант, но также европейские манеры и европейская образованность «отцов независимости». В итоге англичане хоть и взяли на себя всю власть, обязались передать ее законному правительству, буде таковое появится.

30-тысячная английская армия занималась почти исключительно охраной промыслов и трубопровода на Батум. Уже через месяц английский флот до самого Гибралтара обслуживался бакинскими нефтепродуктами.

Почти два месяца правительство Фатали-хана Хойского действовало как переходное. В декабре 1918 года был созван многопартийный (11 партийных фракций и групп) парламент. Поражает благородство его регламента. По закону от 19 ноября 1918 года из 120 депутатских мест 81 было закреплено за азербайджанцами, 20 — за армянами (вопреки всем кровавым событиям!), 10 — за русскими, по 1 — за грузинами, поляками, евреями, немцами, а оставшиеся 5 — за представителями профсоюзов.

Парламент сформировал новое правительство. Премьером остался Ф. Хойский. В январе 1919 г. английский военный губернатор генерал Томсон наконец признал это правительство единственно законным. Но ограничения на его деятельность английским командованием в Баку были постепенно сняты лишь к августу 1919 г., уже

под занавес пребывания англичан в стране. Ограничения касались контроля над печатью, нефтедобычей, каспийским флотом — самого главного. Это помогло англичанам вывезти за короткий срок полмиллиона тонн нефти и нефтепродуктов — практически все, что было в наличии.

К чему эти подробности? Они показывают, как мало времени было отпущено Азербайджанской демократической республике и в каких тяжелых условиях она утверждала себя. Из 23 месяцев Первой республики азербайджанское правительство работало в своей столице Баку и без присутствия чужеземных армий меньше 8 месяцев. Но и в это время на нем висели неподъемные гири: 150 тысяч беженцев, экономическая блокада со стороны Добровольческой армии Деникина, безработица, военное положение в стране (с июня 1919 г.), захват крестьянами частных землевладений, неустанная подрывная деятельность большевиков, опасная неясность границ. И главное: война с Арменией из-за Нахичевани, Зангезура и Карабаха.

Смог бы независимый Азербайджан устоять под тяжестью всех этих проблем? Советские историки уверяли, что «гнилой антинародный режим турецких марионеток», переживавший «политический и экономический кризис», рухнул под напором «трудящихся масс». Но турецкие марионетки присоединили бы Азербайджан к Турции, и вся недолга. Дело, однако, в том, что руководители АЗДР не были ничьими марионетками. Первая республика, которую они создали, была жизнеспособной. В этом убеждаешься, прикидывая, как много они, вопреки всему, смогли и успели.

За короткое время в АЗДР успели сложиться основные государственные структуры и финансовая система, осуществлен принцип разделения властей, создана армия, был учрежден парламент европейского образца (тоже первый в мусульманском мире), отражавший, как уже сказано, не только партийное, но и этническое многообразие Азербайджана, введен 8-часовой рабочий день. Абсолютным новшеством в исламском мире стало полное уравнение женщин в правах с мужчинами, юридическое равенство всех национальностей и конфессий, отделение ислама и остальных религий от государства. Был учрежден Азербайджанский университет (с преподаванием, до появления своих профессоров, на русском языке), принят демократический закон о гражданстве и закон о выборах в Учредительное собрание Азербайджана, пресечен муганский сепаратизм (речь идет о попытке превратить территорию к югу от Аракса и низовий Куры в Муганскую советскую республику), удалось добиться отказа Персии и Турции от требований войти в состав соответственно персидского и турецкого государств. Благодаря Первой республике было узаконено само имя «Азербайджан».

Судьба большевизма решалась в Баку

По настоянию своего Генштаба, которому не хватало сил для подавления волнений в разных частях империи от Ирландии до Египта и Индии, англичане решили покинуть Закавказье осенью 1919 года, в связи с чем «Совет десяти» Парижской мирной конференции предложил мандат на Азербайджан Италии. Англичане еще готовились к эвакуации, когда в Баку прибыла миссия полковника Габбы для изучения обстановки. Итальянцев интересовало: брать мандат на все Закавказье или

ограничиться Азербайджаном? Курировавший миссию дипломат Стефано Ногара настоял на отправке посланцев к Колчаку и Деникину — договориться о точной зоне временной итальянской оккупации. Габба определился с цифрами: для начала 40 тыс. солдат, со временем — 100. Чтобы успеть до зимы, уже 17 июня был отдан приказ о подготовке итальянских судов к доставке войск морем в Поти. Но 19 июня пал кабинет Витторио Орландо, сторонника мандата, а новое правительство Франческо Нитти решило не искать себе приключений на Кавказе.

Возможно, решение Нитти также изменило ход мировой истории. Войди столь крупное соединение страны-члена Антанты в Баку, весь исполинский большевистский проект мог покатиться под уклон уже тогда, а не семьдесятю годами позже — Ленин без мазута и бензина, да еще в условиях торгово-финансовой блокады со стороны Запада, оказался бы просто бессилён. Последующее советское мифотворчество вокруг «Бакинской коммуны» и восстания бакинского пролетариата в апреле 1920 г. было рассчитано как раз на то, чтобы заслонить простую истину: большевики решили захватить Баку под любым предлогом. В своих воспоминаниях адмирал Иван Исаков вполне простодушно воскрешает свои эмоции времен гражданской войны: *«Злость и досада берет, как подумаешь, что мы экономим керосин на копилки, заставляем наших летчиков летать на аптекарской микстуре, кораблям мазут отмеривается через мензурку; за нами — громадная страна без горючего. А они?купаются в бензине всех сортов. Нефтью — хоть залейся, торгуют через Батум со всем миром, а смазочные масла — хоть за борт лей, высшего качества!»*

«Они» — это «вконец обнаглевшая» Азербайджанская Демократическая республика. Если Исаков и преувеличивает насчет микстур и мензурок, то ненамного. В Совдепии бензин заменяли смесью керосина, спирта и скипидара, вместо нефтяных смазочных масел применяли касторовое и хлопковое. В топках паровозов жгли даже запасы вяленой рыбы.

Ленин телеграфирует Смилге и Орджоникидзе: *«Нам дозарезу нужна нефть»* (28 февраля 1920), *«Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это»* (17 марта 1920). В это время XI Красная армия уже сосредотачивалась в Дагестане, готовясь к походу на Баку. К Баку у Ленина совсем иные чувства, чем к Тифлису. Сравните: на телеграмму Сталина о *«необходимости оккупации Грузии»* Ленин 18 ноября 1920 отвечает: *«...надо очень осторожно обдумать, стоит ли воевать с Грузией, потом ее кормить...»*.

Конец республиканцев

27 апреля 1920 части XI Красной армии перешли границу Азербайджана, и одновременно бакинские большевики вручили парламенту АзДР ультиматум о сдаче власти. Через несколько часов, во избежание многих жертв, парламент принял решение о передаче власти большевикам. Жертв, в конечном счете, оказалось неизмеримо больше, чем могли себе в тот момент представить обе противоборствующие стороны.

Так была прервана попытка создать первую в мусульманском мире светскую демократическую республику. Ее опыт мог бы стать бесценным для сотен миллионов мусульман мира, но стандартом сделался куда более жесткий турецкий образец. Не забудем, правда, и то, что Турция в 20-е годы во многом использовала опыт АзДР.

Что же касается XI Красной армии, она двинулась устанавливать советскую власть дальше, в населенные азербайджанцами прикаспийские провинции Персии. Дело в том, что еще 7 апреля (т.е., за три недели до свержения власти АзДР) в Тебризе вспыхнуло восстание азербайджанских демократов под руководством шейха Мухаммада Хиябани, и соблазн превратить это восстание в коммунистическое был очень велик. Формальным поводом для похода в Персию стало интернирование там Каспийской военной флотилии (той самой, базировавшейся в Баку), поэтому красный десант был высажен не в Тебризе, а в месте базирования флотилии — в порту Энзели, провинция Гилян, тоже населенной преимущественно азербайджанцами. Вернув корабли, большевики под командованием Федора Раскольниковца и Серго Орджоникидзе не торопятся уходить. При поддержке XI Красной армии власть в Гиляне переходит к повстанцам во главе с Мирзой Кучек-ханом, провозгласившим 5 июня 1920 года Гилянскую республику. Какое-то время существовал шанс, что местные азербайджанцы сумеют оторвать Гилян от Персии и тогда на повестку дня станет объединение двух Азербайджанов — северного и южного. Серго Орджоникидзе телеграфировал в Москву: *«Без особого труда можем взорвать весь Персидский Азербайджан... Мое мнение — с помощью Кучек-хана и персидских коммунистов провозгласить Советскую власть, занимать города за городами и выгнать англичан. Это произведёт колоссальное впечатление на весь Ближний Восток. Всё будет сделано с внешней стороны вполне прилично».*

В августе 1920 года большевистское воинство двинулось на Тегеран, но было разбито казачьей бригадой шаха. Эта бригада, созданная и руководимая русскими офицерами по образцу казачьих частей России, на протяжении 40 лет была самым боеспособным соединением персидской армии. Будущий шах Реза-хан начинал здесь свою военную карьеру как рядовой и дослужился до генерала. Последним из ее русских командующих (в 1909-1920 гг) был князь Николай Петрович Вадбольский.

14 сентября 1920 года войска шаха при поддержке англичан взяли Тебриз, подавив азербайджанское восстание. Хиябани погиб. Две неудачи подряд вынудили большевиков принять 20 сентября решение свернуть военную операцию в Персии. 26 февраля 1921 года был заключён советско-персидский договор о выводе советских войск. Они были полностью выведены к 8 сентября, а уже в ноябре Гилянская (азербайджанская!) республика пала. Кучек-хан погиб, замерзнув в горах Талыша.

Но вернемся в собственно Азербайджан. Уже с мая 1920 года бакинская ЧК («там работали большие энтузиасты» — горько шутит историк Джамиль Гасанлы) развернула настоящую охоту за азербайджанскими республиканцами. Лидеру «Мусават» Мамед-Эмину Расулзаде повезло. 17 августа он был арестован в селении Лагич, но находившийся в это время в Баку Сталин, тогда нарком по делам национальностей, помнил Расулзаде с 1908 года как товарища по заключению. Сталин еще не был всемогущ, но сумел вызволить Расулзаде из тюрьмы и увезти с собой в

Москву, куда не могли дотянуться руки бакинской ЧК. Проработав два года под началом Сталина в Народном комиссариате по делам национальностей, Расулзаде в 1922 году бежит от большевиков через финскую границу. Из эмиграции он отправляет Сталину открытое письмо. *«Мои друзья очень удивились, узнав, что меня выпустили из тюрьмы Особого отдела. Я их понимаю: ведь многих рабочих расстреливали только за то, что они были простыми членами партии Мусават. Я же был ее лидером. Но это чудо оказалось возможным благодаря Вам, Вы вспомнили о нашей прежней дружбе»*. Затем Расулзаде переходит к главному: *«Говорить всерьез об автономии, которую якобы получили бывшие независимые республики, просто невозможно. Азербайджанские ханства при первых царских наместниках на Кавказе были более самостоятельны, чем нынешние кавказские республики при секретарях Заккрайкома... За два года в Москве я понял: восточные народы все равно обретут свою независимость. Вы не добьетесь того, что хотите. Народы Востока будут жить так, как захотят сами, а не по коммунистическим нормам и принципам»*.

Худой мир

Большевики, овладев весной 1921 года всем Закавказьем, хоть и не сразу, но прекратили взаимоистребление чересполосно живущих народов, которое велось из-за Нахичевани, Геокчая, Ворчали, Ахалкалаки, Зангезура, Карабаха. Прекратили силовыми методами, но спасибо и на том: если верить советской энциклопедии, всего за полтора года вследствие войн *«между закавказскими народами население в некоторых районах сократилось до 10-30% первоначального состава»* (БСЭ, I изд. — М., 1926. — Т. 1, стб. 664). Кстати, в том же томе есть карта Азербайджана, на ней хорошо видно, что очертания Нагорного Карабаха в 1926 году сильно отличались от более поздних и привычных.

По Московскому договору между Турцией и РСФСР (!) от 16 марта 1921 года турки очистили занятые ими Северную Аджарию с Батумом, Нахичевань и пять уездов Эриванской губернии, но не вернулись к границам 1914 года. Другими словами, даже потерпев поражение в мировой войне, Турция осталась не без прибыли. Возвращенные турками территории были присоединены соответственно к Грузии, Азербайджану и Армении. Затем советская власть на свой лад провела границы между республиками, нарезала и распределила автономии. Посчитав, что армяне территориально пострадали более других (Карсская область и Сурмалинский уезд — части древней Армении — остались у турок), большевики постарались частично компенсировать их потери. Сделано это было, главным образом, за счет Азербайджана, уверенного что часть Эриванской губернии (бывшего Эриванского ханства) должна была отойти к нему. Армяне с этим не согласны и считают себя пострадавшими более других в ходе национально-территориального размежевания.

В 1922 г. большевики соединили все республики и автономии Закавказья в единую Закавказскую Федеративную социалистическую республику (ЗФСР). Она была создана как федерация равных, но «равнее» других оказалась Грузия, поскольку ее столица стала столицей федерации. ЗФСР создавалась отчасти в надежде, что

благодаря превращению границ в пустую формальность вражда из-за территорий постепенно забудется. С одной стороны, национальная государственность как бы сохраняется, а с другой — так ли она важна? Ведь классовые и экономические факторы, по Марксу, вытесняют национальные. Марксисты вечно недооценивали национальное и, к тому же, страдали непоследовательностью. Марксист Сталин в декабре 1936 вновь разделил ЗФСР на три республики и повысил статус Казахстана и Киргизии с автономного до союзного — утверждают, что и то, и другое было сделано для удобства проведения «Большой чистки».

В СССР людям внушали, что народы всех республик обязательно сольются в «новую общественно-историческую общность — единый советский народ», но почему-то неустанно подправляли национально-административные границы. Решений о том или ином изменении границ наберутся многие сотни, они составили бы занимательный сборник. Какое расщепленное сознание (по-научному, шизофрения) двигало всем этим, понять трудно.

Первую Азербайджанскую республику отделяют от Третьей 70 лет. Все эти 70 лет не было другого Азербайджана, как не было другой России — было только то, что было. Народы живут без перерывов, и каждому народу необходим весь его исторический и духовный опыт, изъятия неуместны.

В вечном долгу

В СССР происходила индустриализация, принимались пятилетние планы, рос выпуск танков, тракторов и самолетов. Рабфаковцы записывали в тетради слова тов. Сталина: *«Вопрос о нефти есть жизненный вопрос, ибо от того, у кого больше будет нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне, кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей»*. Но, вспоминая пятилетки, Магнитки, Днепрогэсы, Турксибы и Уралмаши, почему-то не говорят про Баку, без которого все эти пятилетки были бы много скромнее — если вообще возможны.

Что еще поразительнее, не припомним, чтобы по праздникам и годовщинам, связанным с войной, кто-нибудь из советских бонз говорил о роли бакинской нефти в победе. Чтобы вообще поднималась эта тема. Ну, кто-то, наверное, ее поднимал, но прозвучать громко ей не давали. Баку не присвоили звание «город-герой», не отметили, как это было принято, наградами. А ведь надо взглянуть правде в глаза: без нефти Азербайджана война была бы проиграна. Судьба СССР висела на волоске осенью 1941-го и, снова, осенью 1942-го. Этот волосок не оборвался благодаря бакинским нефтяникам. Четыре из пяти самолетов, танков, автомашин были заправлены бензином и соляркой, выработанными на бакинских НПЗ из нефти, добытой на бакинских промыслах. Даже в осажденный Ленинград по дну Ладожского озера был проведен бензопровод длиной 28 км и пропускной способностью 400 тонн в сутки. Два с половиной года Ленинград и Ленинградский фронт обеспечивались этим горючим.

Доктор геолого-минералогических наук Чапай Алиевич Султанов обобщил поразительные, хотя и не так уж глубоко спрятанные факты. Во время войны вся европейская нефть — румынская, венгерская, польская, австрийская и албанская —

работала на фашизм. Ее главным противовесом была азербайджанская нефть. В 1941-45 в Азербайджане было произведено 80% общесоюзного бензина, 90% — лигроина, 96% — масел. С конца 1941 г. прекратились поставки в Баку всего необходимого. Однако нефтяники вырезали обсадные трубы из старых скважин и снова пускали их в ход, совершали чудеса при ремонте оборудования. Вместе с тем, малейшее ЧП расценивалось, как действие врагов народа, люди рисковали оказаться за решеткой — это в лучшем случае.

На земле немного мест, испытавших такую нагрузку, как бакинские нефтепромыслы в годы войны. В августе 1942 вывоз нефти через Астрахань прервался: немцы вышли к Волге у Сталинграда. *«Бакинские моряки совершили невозможное, — пишет Ч. А. Султанов. — Впервые в мировой практике они на плаву отбуксировали на другой берег Каспия, в Красноводск, нефтеналивные железнодорожные цистерны и нефтяные резервуары, вмещавшие по 5 тысяч тонн».* В Баку стало не хватать емкостей для слива, *«но нефть продолжали добывать. Имевшиеся в наличии металлические резервуары были заполнены до отказа. Все так называемые открытые нефтяные хранилища (земляные емкости) тоже были переполнены, и нефть просто сливалась в Зыхское озеро. Нефтью заполнялись даже лощины близлежащих возвышенностей... Никогда, во всяком случае в обозримом будущем, не будет восстановлена изрешенная земля Апшерона, не будет освобождена от груд металлолома и всевозможных ядовитых отходов, не будут осушены озера из попутной пластовой воды».* Вместо того, чтобы ненадолго снизить добычу, решено было иное.

Гитлер жаждал захватить бакинские промыслы, поэтому не бомбил их. Но куда сильнее, чем если бы их бомбили, они пострадали от решения руководства СССР перебросить большинство имеющихся мощностей и кадров из Баку в районы «Второго Баку», Волги, Урала, Казахстана, Средней Азии и даже Северного Сахалина. Цвет нефтяной промышленности Азербайджана, свыше 10 тысяч бакинских нефтяников с семьями, в октябре 1942 года были отправлены через Каспий в восточные районы страны вместе с техникой и оборудованием. Люди, не привыкшие к суровому климату, попадали в края 40-градусных морозов. *«Бакинцы размещены в деревнях, за 10-15 км от места работы. Дорог и транспорта нет, добираться приходилось пешком или на тракторах, порой не хватало еды, работали по 16 часов, а бывало и целые сутки из-за отсутствия смен. Ночевали в селах, а с рассветом — опять на тракторы. До места добирались иногда и за трое суток. Во время буранов и заносов бывало еще тяжелее. Некоторые рабочие неделями жили на буровых».*

На практике этот наскок обернулся разрушением нефтяного хозяйства Азербайджана, создававшегося невероятным трудом более полувека. До конца войны в районах новой добычи удалось получить всего 4 млн. тонн нефти, зато в Баку было недополучено примерно 40 млн. тонн. Это был грубый стратегический, военный и экономический просчет, который запросто мог привести к поражению в войне. *«Этот просчет дополнительно стоил жизни сотням тысяч наших солдат и офицеров... Если бы немцы захватили Баку, никакой «Второй Баку» не смог бы повлиять на события. С ежегодной добычей 1,5-2 млн. т. нефти воевать с фашистской Германией, которая восстановила бы часть грозненских и бакинских скважин, выйдя*

на уровень 15-20 млн. т., было бы невозможно». К счастью, в половинном объеме добыча продолжалась и в Баку. Только это спасло СССР от рокового исхода.

В течение всей войны Азербайджан оставался главным поставщиком на фронт нефти и нефтепродуктов (свыше 70% общего объема, производимого в тот период в СССР). Второй, Третий и так далее Баку в Предуралье и за Уралом оказались, в конечно счете, не выдумкой академика Губкина. Они стали реальностью, но чтобы это произошло, потребовались десятилетия. Многие азербайджанские нефтяники и после войны остались в новых районах, возглавив там нефтедобычу. История нефти в СССР так и пестрит азербайджанскими именами. Много их и в новой России.

Нефть — решающий фактор современной экономики. Но, когда мы вспоминаем Великую Отечественную, вопрос надо ставить шире. И выше. Ибо кровь важнее нефти, а душа — важнее крови. Мы не можем думать лишь о нефти, когда говорим о важнейших обстоятельствах, связавших Азербайджан и Россию навсегда узами боевого и трудового товарищества и братства.

Об этом мало кто вспоминает сегодня, но в годы войны в Баку бесперебойно производили и направляли на фронт свыше 130 видов вооружения и боеприпасов. В том числе мины, патроны и снаряды, взрывчатая начинка для которых вырабатывалась здесь же. Это был один из главных арсеналов страны, работавший в авральном режиме днем и ночью все военные годы.

Однако не только трудом, но и кровью сроднились с нами в те годы азербайджанцы. Этот мирный народ сражался на всех фронтах плечом к плечу с нашими отцами и дедами, не щадя своей крови и жизни. В Великой Отечественной войне с оружием в руках принял участие каждый пятый житель республики: при населении 3,4 миллиона (на начало 1941 года) на фронт ушли 681 тыс. человек (в т. ч. более 10 тыс. женщин). И 250 тысяч из них погибли на полях тех сражений, а сколько осталось калеками, защищая наше общее (тогда) Отечество? Всего на территории Азербайджана было сформировано 87 батальонов и 1123 отряда самообороны, сформированы 77-я, 223-я, 396-я, 402-я и 416-я национальные стрелковые дивизии, с боями прошедшие от предгорьев Кавказа до Прибалтики, Восточной Европы и Берлина. В годы войны вся республика была покрыта сетью эвакуационных госпиталей, через которые прошло более 440 тысяч раненых.

Свыше 400 тыс. бойцов, призванных из Азербайджана, были награждены боевыми орденами и медалями, 14 человек среди них — полные кавалеры ордена Славы. А среди Героев Советского Союза, получивших это звание за боевые заслуги в ходе войны, 43 азербайджанца (всего за годы существования этой награды ее удостоились 123 азербайджанца).

Первым среди азербайджанцев звания Героя было присвоено помощнику командира взвода 42-го стрелкового полка старший сержанту Исрафилу Мамедову. Возглавляемая им группа бойцов 3 декабря 1941 года, приняв бой у села Пустынка под Новгородом, отбила четыре атаки превосходящих сил противника, вступила в рукопашный бой и удержала позицию.

Вот еще несколько имен героев. Кафур Мамедов, связной командира роты 323 отдельного батальона морской пехоты, отличившийся в боях северо-западнее Туапсе, лично уничтожил 13 вражеских автоматчиков и один миномет с расчетом; погиб, заслонив собой командира роты. Герай Асадов, гвардии сержант, стрелок 281 гвардейского полка (27 армия, Второй Украинский фронт), повторил подвиг Александра Матросова в боях за румынский город Маргита. Гусейнбала Алиев, летчик, в боях под Ленинградом в одном вылете сбил два самолета противника, второй — уже будучи смертельно раненным. Мамед Магеррамов, командир отделения 933 стрелкового полка (52 армия, Второй Украинский фронт), первым в ночь на 2 октября 1943 года переправился через Днепр у села Крещатик Черкасского района и, ведя разведку, добыл ценные сведения, а 17 октября вместе с бойцами своего отделения в тылу врага взорвал склад с боеприпасами, подбил танк, автомашину и уничтожил несколько десятков гитлеровцев. (Только за освобождение Украины звания Герой Советского Союза удостоены более 20 азербайджанцев.)

В годы войны прославились многие военачальники-азербайджанцы. В их числе дважды Герой Советского Союза, командующий 35-й танковой бригадой Ази Асланов, первую Звезду получивший в сражениях за Сталинград.

Отдельного рассказа заслуживает Герой Советского Союза Зия Мусаевич Буниятов, крупный ученый, вице-президент АН Азербайджана. Его отец Муса Мовсум оглы Буниятов происходил из знаменитого и уважаемого в Азербайджане рода биби-эйбатских учёных шейхов и в годы Первой мировой войны служил военным переводчиком (он знал шесть языков) в рядах русской армии. Мать, Раиса Михайловна, урожденная Гусакова, принадлежала к роду русских старопоселенцев Ленкорани. В мае 1941 года Зия Буниятов в звании лейтенанта окончил Бакинское пехотное училище, воевал с первого дня войны, был несколько раз ранен и контужен, но всякий раз возвращался в строй. Последний осколок ему удалили через 30 лет после ранения. В одном из боев, пробиваясь через линию фронта, он вынес из окружения полковое знамя. Газета «Красная звезда» писала о нем в 1942 году: *«Стремительный, как тигр, разведчик Зия Буниятов в невероятных условиях мог принести точные данные о численности, вооружении и дислокации противника»*. В конце войны Буниятов командовал 123-й штрафной ротой 5-й ударной армии Первого Белорусского фронта. В ходе Висло-Одерской операции его рота преодолела тройную линию обороны противника, вышла в его тыл и взяла заминированный мост через реку Пилица, сохранив мост невредимым — по нему должна была пройти наша техника. В результате части Красной Армии вышли на оперативный простор в междуречье Вислы и Одера и вскоре были в 90 км от Берлина. Весь состав роты наградили орденами (большинство посмертно), а капитану Бунятову было присвоено звание Героя Советского Союза. Войну он окончил в Берлине, где едва не погиб, спасая мирных жителей, прятавшихся в метро, когда его туннели были внезапно затоплены нацистами водой из реки Шпрее.

Выдающийся востоковед, автор 450 научных работ, Буниятов никогда никого не боялся. Узнав о награждении Брежнева в третий раз Золотой звездой Героя Советского Союза, Буниятов выступил с протестом, что было в СССР делом почти неслыханным.

Азербайджанцы сражались в рядах партизан на Украине, в Белоруссии, Венгрии, Чехословакии, Белоруссии, Югославии, Италии. Мехти Гусейнзаде бежал из немецкого плена в 1942 году и присоединился к партизанам Югославии, где его стали называть Михайло. Диверсии, организованные им, сорвали немало фашистских планов. Окруженный, Мехти Гусейнзаде убил нескольких фашистов, а последнюю пулю оставил себе. В 1947 году ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Наши народы вместе проливали кровь на той самой страшной из войн, об этом нельзя забывать никогда.

Но не только те азербайджанцы, кто лично воевал или трудился в тылу, внесли свой вклад в Великую Победу. Из личных сбережений жителей Азербайджана в фонд обороны было передано 15 кг золота, 952 кг серебра, 320 млн рублей. Отправлено на фронт более 1,6 млн единиц необходимых товаров и 125 вагонов теплой одежды. Только Ленинграду до лета 1942 года бакинские предприятия собрали и отправили 40 тонн сухофруктов, 12 вагонов овощных и фруктовых консервов, много печеночного экстракта, гематогена, желатина и других продуктов питания, а также медикаменты и перевязочные средства. Значительная помощь — как продовольствием, так и оборудованием и деньгами — была оказана также Сталинграду, Ставропольскому и Краснодарскому краям.

К началу войны Азербайджан благодаря политике Кремля (да, именно так!) совершил исторический скачок с точки зрения урбанизации, индустриализации, народного просвещения, высшего образования, здравоохранения, развития инфраструктуры. Как и в других республиках СССР, в Азербайджане была создана национальная Академия наук. Авторы этих строк — ни в коей мере не поклонники большевизма, но простая научная честность не позволяет не признать, что при «рыночной» версии развития ни в одной из республик Союза СССР (исключая Украину) не могла бы возникнуть собственная наука современного уровня.

Само устройство новорожденных капиталистических государств, особенно небольших, мешает им направить нужное количество сил и средств на решительное внедрение и материальное обеспечение национального высшего образования, на национальную науку, на подготовку необходимых кадров, на выработку и внедрение современной терминологии (дело исключительно важное для умственной независимости нации с прицелом на будущее), издание словарей, дотирование национального книгоиздания, театра, кино, радиовещания — то есть, на заведомо убыточную по либерально-капиталистическим меркам деятельность. Советская же власть не задумывалась, может ли она себе такое позволить — она просто это делала.

Развитие национальных окраин, выравнивание их уровня с центральными русскими регионами — такова была принципиальная политика большевиков, закреплённая решениями X съезда ВКП(б). Это делалось, главным образом, за счет русского народа. Но в отличие от ряда других, азербайджанцы сполна отплатили нам добром.

Страшно представить себе, что было бы, если бы в роковой час азербайджанцы отвернулись от нас, как это сделали некоторые другие народы (не будем их

перечислять)! Надо ясно понимать, что именно азербайджанская неколебимая лояльность во многом определила исход войны. Лояльность азербайджанского народа как целого — прежде всего к русскому народу как целому.

Истинный друг познается в беде. Азербайджанцы выдержали эту проверку.

ГЛАВА 3. ЗАКАТ СССР И КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ

Путь к распаду

С самого начала мы решили, что будем рассказывать только о вещах, мало известных нашим читателям — а именно, о людях, событиях и фактах незаслуженно забытых либо намеренно замолчанных. Начинает кое-что забываться и о советском времени — казалось бы, таком недавнем.

Перешагнем через несколько десятилетий и перейдем ко времени распада СССР, вокруг чего напущено много тумана. Механизм гибели был изначально встроен в государственную конструкцию СССР. Образцом для нее послужили разработки австрийских марксистов об устранении национальных противоречий в будущей социалистической Австро-Венгрии. Эти нигде не испытанные на практике идеи были доверчиво взяты на вооружение при создании Союза ССР в декабре 1922 года. Теоретически, Россия (РСФСР) вошла в этот союз «вместе и наравне» с остальными республиками. Такая конструкция, вероятно, могла бы работать, развиваясь с самого начала на добровольных и демократических принципах. Но сразу же закованная в защитную идеологическую броню, она оказалась неспособна устоять при ее устранении — так у человека, много лет проведенного в гипсовом корсете, атрофируются целые группы мышц.

В Союзный договор 1922 года и конституцию СССР 1924 года перешли из конституции РСФСР 1918 года ничего не значащие (тогда!) слова о праве каждой республики на выход из союзного государства. Это, казалось бы, мертвое положение затем переключалось в «сталинскую» конституцию 1936 года и в «брежневскую» 1977-го. Внесенное в торжественные государственные акты, оно ждало своего часа, чтобы оказаться вполне живым и актуальным в 1991 году. Коммунистической системе пришлось заплатить по счету за имитацию демократии, но это, возможно, спасло СССР от ужасающего распада по югославскому образцу — войны центра с уходящими национальными окраинами.

При роспуске СССР такой войны не было. Однако, хотя ни одна из пятнадцати республик не вышла из СССР совсем без синяков, для нескольких из них обретение независимости имело кровавое продолжение. Самый тяжкий жребий выпал на долю Азербайджана: война с Арменией и утрата Нагорного Карабаха. Помимо прямого и непосредственного зла, один из главных отрицательных результатов этой войны — омрачение азербайджанско-русских отношений.

Мы вынуждены с тяжелым сердцем констатировать: промежуточный итог этой региональной войны (имеющий далеко не региональное значение!) во многом был

определен позицией горбачевского СССР, предательской по отношению к Азербайджану. Можно ли было ждать хотя бы беспристрастия от человека, так и не научившегося произносить слово «Азербайджан». Он выговаривал его как «Айзебарджан».

Конфликт можно было смягчить и локализовать, не допустить до кровавой фазы, найти разумный компромисс — такие возможности просматривались поначалу не раз. Вместо этого позднекоммунистический режим поддержал, в том числе военной силой, одну из сторон конфликта, армянскую. По сведениям Народного фронта Азербайджана (они, правда, не всегда точны), с участием внутренних войск МВД СССР из Армении было выселено около 200 тысяч азербайджанцев, при этом погибли 216 мирных жителей.

Речь не о том, что азербайджанцы были ангелы, а армяне во всем неправы. Зла и насилия было достаточно с обеих сторон. Речь о том, что Кремль не пожелал даже вникать в вопрос: кто запустил колесо насилия? Речь о том, что вторая сторона конфликта, азербайджанская, была не раз предана. Не русский народ, конечно, мнением которого никто не поинтересовался, но именно позднекоммунистический режим предал верных друзей и искренних союзников России, отплатив им черной неблагодарностью.

О карабахском конфликте

К сожалению, армянские политики, рассуждая о самоопределении нации, ссылаются на резолюцию ООН и Хельсинский договор и тем самым вводят мировое сообщество в заблуждение. Данная резолюция не имеет никакого отношения к Нагорному Карабаху, так как у армянского народа есть свое государство – Республика Армения. Во многом благодаря тому, что новая, советская, власть устанавливала на Южном Кавказе свой так называемый «национальный мир», армянские сепаратисты, воспользовавшись неразберихой революционной години, заметно расширили границы уже Советской Армении за счет Азербайджана и Грузии.

Им, то есть армянским сепаратистам, было уже тесно в пределах Иреванской губернии. Все конфликты, создаваемые в тот период, носили чисто сепаратистский характер, так как армянские националисты на протяжении долгого времени всегда стремились к расширению своей территории за счет соседей.

В современном глобальном мире, когда Европа объединится, а во многих странах мира, в том числе и в России, мирно продвигают нации и народности, сепаратизм такого рода приводит мир на тропу войны и трагедии.

Одна из причин распада СССР

Бывают события, провидеть которые невозможно. Ни один футуролог, ни один звездочет в мире не предсказал, когда и как рухнет советская власть. Главное, как. И в самую затайливую голову не мог придти сценарий 1986-1991 годов.

Коммунистический режим выглядел несокрушимым даже в глазах тех, кто хорошо знал его трещины и пустоты. Именно эта иллюзия навела Горбачева на мысль

допустить свободное обсуждение любых вопросов: ведь непопулярные меры стали во второй половине 80-х неизбежны, но поняв смысл этих мер, люди их примут — так думали в Кремле. Поскольку свободное обсуждение невозможно в условиях цензуры, Горбачев отважился на ее ослабление, а затем и отмену. Он почему-то решил, что общественная дискуссия сосредоточится на улучшении социалистического проекта.

В действительности же, гласность почти сразу нанесла этому проекту смертельный удар, о чем почти никто еще долго не догадывался. Горбачев не учел, что советская пропагандистская машина никогда не работала в дискуссионном демократическом режиме. Свобода слова быстро выявила ее дряблость и нетренированность. У ее зубастых оппонентов были непобиваемые доводы, выработанные бесконечными кухонными спорами, сам- и тамиздатом, лагерями, эмиграцией. Советскому агитпропу было нечего противопоставить этим доводам, он лишь обреченно и неуклюже отмахивался.

Но если бы дело ограничилось только этим! Нет, заглушая демократов, с каждым месяцем все громче звучали голоса борцов за «историческую справедливость», сливаясь в ликующий ослиный хор. Его следовало воспринять как сирену тревоги, но поначалу это мало кто понял. Если бы Старая площадь, еще не совсем утратившая власть, уделила чуть больше внимания материалам, которыми стали все гуще заполняться журналы, газеты и экраны в союзных республиках (многие из них были органами местных ЦК КП!), это, возможно, привело бы ее в чувство, но она уделяла его чему-то другому.

Едва ослабли тиски цензуры, восторг от возможности говорить свободно и безнаказанно воодушевил тьму желающих говорить безудержно и безответственно. Мы не раз слышали фразу: «Не журналисты начинают войны». Те, кто помнят, как разгорались межнациональные конфликты на территории бывшего СССР, не подпишутся под таким заявлением. Журналисты, публицисты, писатели рылись в кровавых страницах прошлого, рисовали образы наций-выродков, разжигали первобытные страсти, подталкивали политиков. Без долгих раздумий они обрушивали на голову малоподготовленного читателя и зрителя самые страшные откровения и призывы. Они сделали все, чтобы раздались первые выстрелы.

Кто-то их оправдывает, говоря, что у пишущей публики живое воображение, события трехсотлетней давности она воспринимает как случившееся час назад. Видимо, это всемирный феномен. То же самое было в Югославии: вспышке военных действий там предшествовала резкая полемика средств массовой информации Сербии, Хорватии, Словении и Боснии. Именно СМИ провели эмоциональную артподготовку, взвинтив людей до предела. Они сняли у них тот психологический барьер, который не позволял даже представить себе, что сербы, хорваты и босняки могут начать стрелять друг в друга.

Если же кто-то пытался — после того, как дело доходило до большой крови — даже не призвать к ответу, а просто упрекнуть таких авторов, всегда слышался гордый ответ: «Мы несли своему народу историческую правду». Хотя правды там было едва на грош.

Профессиональные психопатологи когда-нибудь, возможно, разберутся с феноменом детской безответственности людей, без малейших раздумий обрушивавших на голову малоподготовленного, мягко говоря, читателя и зрителя самые дикие выводы.

Если горожане еще обладают каким-то запасом скепсиса, то простой сельский люд, привыкший верить уважаемым мудрецам, особенно когда мудрецы обращаются к нему с экрана, был совершенно сбит с толка. На Кавказе в исторические споры были втянуты самые неожиданные слои населения, начавшие изучать «историю» по журнальным статейкам — как заметил кто-то, «мучительно закладывая мозолистые пальцы в страницы».

Клиобесие

Итак, генсек мечтал о плодотворном диалоге между КПСС и «многонациональным советским народом», но этот народ не зря был «многонациональным» — самые глубокие трещины по фасаду СССР пошли по этническим швам. Поразительно, что руководство КПСС обнаружило полное непонимание природы и мощи этих процессов. Это видно по детской вере членов Политбюро в то, что стоит «провести пленум ЦК по национальному вопросу», как все опять станет хорошо. Горбачев заявлял совершенно искренне (2 ноября 1987 года): «Национальный вопрос в СССР решен». Он и впрямь так думал. Наивность этого ставропольского уроженца, обязанного знать хотя бы Кавказ, не поддается постижению — вот почему ее невозможно было предвидеть.

Когда роковые события уже произошли, запутавшиеся в них люди ищут такие объяснения, чтобы одна фраза объела всю суть случившегося и ломать голову больше не требовалось. Им нужны объяснения-афоризмы. Подобный спрос всегда рождает предложение. Афоризм именно такого рода, притом достаточно высокомерный, пустил бывший разведчик и практикующий остроумец Леонид Шebarшин. Звучит это так: *«Особенно много дала Перестройка азербайджанскому и армянскому народам. Под гнетом царской монархии и сталинской диктатуры, в удушливой атмосфере застоя они не могли и мечтать об освободительной войне друг против друга»*. Дескать, есть такие народы, которые нельзя предоставлять самим себе, обязательно передерутся.

На самом же деле, «освободительная война» ни в коей мере не была неизбежной. Она не вытекала ни из каких объективных причин. Сотни тысяч вовлеченных в нее людей сегодня отдали бы буквально все, чтобы, как говорят на Востоке, сделать бывшее небывшим.

К войне привели многие причины, но самой первой среди них следует назвать «клиобесие», опаснейшую болезнь интеллигенции — болезнь, оказавшуюся, увы, заразной и для простых людей. Клио, если кто забыл, — муза истории. Клиобесие редко существует не сама по себе, она почти всегда сочетается с лютой ненавистью к другой нации или нациям. Клиобесие проявило себя на Кавказе еще до отмены цензуры. Азербайджанский писатель Максуд Ибрагимбеков рассказал: *«Разговариваю с парнем-армянином, подложившим самодельную бомбу в городской автобус*

маршрута 106 в Баку. Зачем ты это сделал, ведь погибли люди, причем разных национальностей, заживо сгорела пожилая женщина-армянка? Оказалось, он читал книгу Зория Балаяна “Очаг”, а там написано, что азербайджанцы – кочевники-мусульмане, турки, значит надо их убивать».

Содержавший такой заряд ненависти «Очаг», книга размышлений на темы армянской истории, была издана в Ереване, как ни странно, еще в 1984 году, когда мимо цензуры, по идее, не должна была пролететь и муха.

Не хочется это вспоминать, но ведь и авторство самого первого террористического акта в московском метро в конце 70-х («дело Затикяна») принадлежит армянину. Как он до этого додумался? Из сообщения сквозь зубы, которое прозвучало тогда на эту тему по ТВ, вытекало, что террорист начитался какого-то исторического сочинителя из армянских эмигрантов. Сочинитель, как видно, обращал свое жало уже против русских.

Французский поэт Поль Валери высказал замечательную мысль: *«История — самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, углубляет их рефлексии, растревляет их старые раны, смущает их покой, ведет к мании величия или преследования, делает нации гордыми, спесивыми, невыносимыми, суетными. История оправдывает самое вздорное устремление. Она ничему не учит».*

Как человек тонкий, Валери не счел необходимым уточнить, что имеет в виду не историю как науку, а ту историю, где сладострастно раздираются реальные и выдуманные язвы, где всё сводится к многовековым обидам, искупить которые можно лишь кровью, где речь идет об «исконных землях», отнятых с помощью подлости, подкупа и вероломства, о низких, коварных, отвратительных соседях, присвоивших себе часть вашей национальной культуры и теперь делающих вид, будто все так и было. Могут возразить: национально-заточенные интеллигенты, начавшие неумеренно превозносить свой народ (например, возводя его к праотцу Ною, на полном серьезе), появились с исчезновением цензуры во всех республиках СССР, значит никто не лучше и не хуже. Что ж, это верно, такие авторы появились в каждой республике, но в разных количествах и несопоставимые по напору. Азербайджан вплоть до прихода к власти Национального фронта явно уступал Армении в войне «исторических версий».

В древних и нынешних бедах своего этноса одержимый клиобесием автор всегда винит другие народы и не может обойтись без оскорблений в их адрес. Он искренне не понимает, что ненависть к какому бы то ни было народу — признак тяжелой умственной слабости. В условиях, когда число межнациональных территориальных претензий внутри СССР, по подсчетам академика РАН Вениамина Васильевича Алексеева, превышало 160 (!), сам факт постоянно повторявшихся оскорблений делал кровопролитие неизбежным. И на Кавказе, и в Средней Азии, и в Молдавии, и в Прибалтике. Но в первую очередь на Кавказе.

Начиная с осени 1987 года читатели подобных текстов начали выходить в Нагорно-Карабахской области на демонстрации под лозунгами воссоединения с Арменией, а в самой Армении приступили к изгнанию живших там азербайджанцев.

«Энтузиасты» обходили каждый дом и предупреждали: «Не уберетесь сами, убьем!». Они были вооружены охотничьими (пока) ружьями.

Беженцы начали прибывать в товарных вагонах. Сведения об этом поначалу не попадали в прессу, цензура в Азербайджане была еще сильна. Но уже в январе 1988-го Армению начали покидать сотни человек ежедневно. Как это всегда бывает, большинство беженцев составляли дети, женщины и старики, среди прибывших в Баку было много избитых. Бакинские власти не приняли их и направили в Сумгаит, где обстановка сразу стала накаляться. Скрывать происходящее и далее партийное руководство Азербайджана больше не могло. Что-то ответное стало неизбежным. Беда случилась в Сумгаите 26 февраля 1988 года, после общегородского митинга. Как пишет видный деятель Азербайджанского Народного фронта Зардушт Али-заде, *«от демонстрантов отделились группы людей и направились по заранее определённым адресам в квартиры армянских жителей города. Город почти двое суток находился во власти погромщиков, творились ужасные убийства»*. По данным Генпрокуратуры СССР (скорее всего, точным), погибло 26 армян и 6 азербайджанцев, более ста человек было ранено, изнасилованы десятки женщин, разгромлено свыше двухсот квартир. В первые дни после сумгаитских событий мир говорил уже о сотнях и даже тысячах убитых в Сумгаите армян. Осталось невыясненным, кто были анонимные операторы, снимавшие сумгаитские события с первых минут погромов. Некоторые съемки велись с высоких точек — видимо, с крыш. На них надо было забраться и устроиться заранее. Кинодокументы (в Москве был устроен «закрытый просмотр» в Союзе кинематографистов, об увиденном многие недели потом буквально гудела вся московская интеллигенция) резко усилили симпатии и сочувствие к армянам, а значит, автоматически, и к их требованиям о передаче им Нагорного Карабаха.

Если кто забыл: в конце 1987 года, когда изгнание азербайджанцев только началось, до развала СССР оставалось четыре года. Москва еще была авторитетом и силой для республик. Но она не остановила беззаконие, впервые показав, что с ней отныне можно не слишком считаться. Насилие в Сумгаите власти тоже остановили слишком поздно — практически, когда оно уже иссякало само собой.

Воронка насилия затягивает

Армянская сторона оказалась лучше готова к противостоянию и войне. Армяне действовали решительнее, быстрее, беспощаднее, им помогала уверенность в своей правоте, внушенная «историками». Они очень рано, с лета 1987 года стали настраивать себя на силовые действия. Культурное общество «Крунк» («Журавль»), как уверяют многие, было прикрытием тайной организации КРУНК (Комитет революционного управления Нагорного Карабаха). Азербайджанская реакция первое время была реакцией растерянной, застигнутой врасплох стороны.

«Очистка» Армении от азербайджанцев продолжалась весь 1988 год. Самый массовый поток беженцев пришелся на позднюю осень, причем многие из них были вынуждены идти через обледенелые перевалы в Нахичевань пешком, со смертями в пути. Само их изгнание сопровождалось погромами и насилиями. В Кафанском,

Мегринском и Горисском районах Армении к зиме не числилось более ни одного азербайджанца. Остальных, включая карабахцев, выдавили чуть позже. В результате количество беженцев, которых правительство в Баку должно было на этой стадии как-то пристроить, составило, по официальным данным, 230 тысяч человек.

Мы не будем здесь перечислять все этапы конфликта. Жестокостей и ужасов хватало с обеих сторон — в подобных противостояниях иначе, к сожалению, не бывает. Насилие порождает новое насилие.

В любой «долгоиграющей» трагедии, в какой бы точке мира она ни разворачивалась, всегда важно понять, кто дал решающий толчок веренице все более жестоких событий. К примеру, печальную судьбу Грузии вот уже почти два десятилетия, начиная с 1989 года, определяют — и, кто знает, не будут ли определять еще много десятилетий (от чего Грузию, конечно, избави Бог) — несколько ничтожных слов, принесенных, от большого ума, очередным любителем истории по имени Звиад Константинович Гамсахурдиа. Будучи лидером блока «Круглый стол — Свободная Грузия» и метя в национальные лидеры, он сказал на одном из митингов: «Иностранцы в Грузии — это насекомые. Грузинская метла выметет их». В более политкорректной, как ему казалось, версии он потребовал от «иностранцев» полной ассимиляции, а несогласным предложил покинуть Грузию. Даже журналисту итальянской газеты «Стампа», спросившему у него: «Вы считаете, что они должны уйти?», он ответил: «Это очевидно. Другого выхода нет». Абхазов и южных осетин сказанное взбесило, после чего их грезы о независимости, дотоле разноречивые, консолидировались в стальную волю. Остальное известно.

Глупость и нарциссизм одного человека дорого обошлись всей Грузии, оставив ей крайне узкий коридор возможностей. Оглядываясь назад, видишь всего три развилки. Прежде всего, грузины могли победить в войнах 1992-93 гг., но не победили. Вторая развилка открылась, когда мятежные республики согласились на конфедерацию с Грузией. Третьей могло бы стать грузинское согласие на международную помощь в деле восстановления Абхазии и Южной Осетии при наращивании транзита через них в Грузию и из Грузии — в обмен на возвращение беженцев-грузин. Шеварднадзе упустил все. Дальнейшее — вплоть до признания независимости маленьких республик Россией — стало практически неизбежным.

Понятно, что толчком, запустившим армяно-азербайджанский конфликт, стало насильственное выселение азербайджанцев из Армении, начатое, как уже было сказано, в конце 1987 года. Сумгаитский погром чрезвычайно осложнил конфликт. В сельских районах Азербайджана начались ответные действия, изгнанные армяне потянулись в Ереван. Это усугубило положение уже донельзя, и все равно его еще можно было спасти. Точкой невозврата стал эпизод, связанный со спитакским землетрясением.

Оно, напомним, случилось 7 декабря 1988 года и уничтожило Спитак, Ленинакан (ныне Гюмри), Степанаван, Кировакан (ныне Ванадзор). Пострадали 40% территории Армении (21 город и район, а также 350 сел, из которых 58 были полностью разрушены). Погибли 25 тысяч человек, раненых было без счета, полмиллиона

человек лишились крова. Уже в первые часы на помощь пришли военнослужащие и пограничники. Самолет Минобороны СССР вместе с военно-полевыми хирургами и лекарствами прибыл в тот же день, служба тыла развернула 50 тысяч палаток. В последующие недели и месяцы для восстановительных работ в Армению приехали 45 тысяч(!) строителей.

На армянскую беду откликнулась вся страна, с первых же дней повсюду проводился сбор помощи и донорской крови. Азербайджан, несмотря ни на что, тоже не остался в стороне. Трагедия могла стать началом примирения двух народов. Но когда санитарный автомобиль с донорской кровью, собранной в Азербайджане, прибыл на границу республик, эту кровь на армянской стороне демонстративно вылили на землю. Это не был порыв или импульс, поступок был обдуманым. Мало того, он был ритуальным. Кровь слишком знаковая материя, чтобы допустить иное толкование.

Более тяжелого оскорбления азербайджанцам нанести было невозможно. Возникшее в этот миг ожесточение сразу сузило коридор будущих возможностей и компромиссов в армяно-азербайджанском конфликте.

Потянулись недели и месяцы. В обеих республиках нарастал радикализм, Армения опережала. Авторитет Москвы на Кавказе съезжился за два года донельзя.

Настал последний день 1989 года, забыть его невозможно. И сегодня, почти двадцать лет спустя, многие, не сговариваясь, подтверждают: в тот день 31 декабря 1989 года, когда Нахичеванское отделение Народного фронта Азербайджана под руководством историка Абульфаза Алиева, будущего Эльчибея, разрушило государственную границу СССР с Ираном (каждый мог увидеть это по ТВ), люди в разных концах страны сказали себе и друзьям: «Это конец СССР». Даже удивительно, что после этого СССР продержался еще целых два года.

Вслед за разрушением границы произошли события, которые и азербайджанцы, и армяне вспоминают как Черный январь. Те люди в России, которые до сих пор оплакивают СССР, почему-то вспоминают эти события гораздо реже, а зря. Случившееся в январе 1990 года похоронило саму идею дружбы народов в ее советской версии — ту идею, на которой государственная конструкция СССР держалась в умах и сердцах большинства своего населения, перевешивая в его глазах все недостатки этой конструкции.

Сразу после встречи Нового, 1990 года, митинговая активность в Баку стала нарастать. Карабахская ситуация была в безнадежном тупике, армяне не соглашались на меньшее, чем поглощение НКАО (причем без азербайджанцев) Арменией, а беженцы вымещали свою ярость и отчаяние на единоплеменниках тех людей, которые выкинули их из родного дома. В этот момент армянские радикалы в Ереване и Степанакерте еще имели шанс притормозить — хотя бы из благоразумия. Они должны были видеть, как безмерно много может потерять армянская община Азербайджана при продолжении противостояния. Уступка, примирительный шаг, приглашение вернуться — и азербайджанцы простили бы многое. Может быть, кто знает, даже оскорбление вылитой кровью. Увы, ничего сделано не было.

Народный же фронт Азербайджана решил, что поскольку Москва неспособна или не хочет прекратить беззаконие и занимает все более проармянскую позицию, нужно форсировать уход республики из СССР. Разрушение государственной границы в Нахичевани и Астаре было произведено, среди прочего, в наивной надежде на помощь братьев-азербайджанцев Северного Ирана (т.е. Иранского Азербайджана). Это было последнее, чего бы желал Иран, но руководству НФА такое не пришло в голову. Оно состояло из историков, специалистов по прошлому, а не по настоящему. Иран запер границу со своей стороны.

Как вспоминает Зардушт Али-заде, *«в начале января 1990 года в Баку активизировались погромщики, группы людей беспрепятственно ходили по предприятиям и организациям и требовали у руководства уволить граждан армянской национальности»*. 6-7 января, на второй конференции НФА Абульфаз Алиев (Эльчибей) в ответ на предупреждения о возможности погрома *«ответил фразой, вызвавшей бурю восторга: “Ради свободы и демократии можно пролить и кровь”... На митинге НФА раздавались крики: “Да здравствует Баку без армян”... Два дня Баку был объят погромом. Погибло 56 мирных жителей армянской национальности [армянские источники называют цифру 150 человек — А. Г. и А. С.]. Город был опоясан баррикадами... 18 января военный комендант города Баку генерал-майор Соколов предупредил Этибара Мамедова [снова историк, один из руководителей НФА — А. Г. и А. С.] о вводе войск и вероятном огне на поражение. Информация от населения была сокрыта... Последовавшая через два дня расправа войск с обманутым патриотической риторикой народом была ужасной. На улицах Баку остался лежать 131 труп»*. Согласно поименному списку, официально обнародованному Минздравом Азербайджана, число погибших чуть меньше: 106 человек, включая 9 неустановленных лиц. Раненых было около 700. Погибло также 20 советских солдат. Более 800 человек было арестовано. НФА на время ушел в подполье.

Бенефис радикалов

Радикалы-историки с двух сторон могли быть довольны. Давно известно, что только пролитая кровь, только герои и мученики превращают химеру в святое и праведное дело. Идеалом азербайджанских радикалов была «свобода и демократия» без углубления в детали. Детали Азербайджан увидел позже, за год их пребывания у власти. Увидел, ужаснулся и приветствовал возвращение Гейдара Алиева. Что касается армянских радикалов, их идеалом был «миацум» любой ценой, они были заранее согласны на самую высокую. Тем более, что цену предстояло платить совсем другим людям. Процитируем Леонида Кучму: *«Радикал всегда готов умереть за святое дело, по крайней мере, на словах, и при этом не видит причин, почему бы и вам тоже не умереть за святое дело. Любая попытка отстоять свое право бороться за святое дело живым, воспринимается как трусость и предательство... Тот факт, что кто-то готов отдать жизнь за некое дело, ни в коем случае не доказывает, что дело это святое»*.

Чапай Султанов, непримиримый критик тогдашнего коммунистического руководства СССР и Азербайджана, признает: *«Политическую и моральную ответственность несет оппозиция: Н. Панахов, Э. Мамедов, Р. Газиев и др. Они, зная о реальности ввода войск, не предприняли необходимых в конкретной ситуации предупреждающих мер для вывода людей с пути движения войск»*. Он же приводит слова Эльчибея, сказанные уже не с трибуны, а с глаза на глаз, вполне хладнокровно: *«Завоевание свободы не бывает без крови. Да, мы знаем, что будут жертвы! Но это будут жертвы во имя свободы... Чем больше прольется крови, тем лучше будут сцементированы мужество и идеология нации»*. Не удовлетворившись этим, Эльчибей добавил: *«Пока в Тбилиси не пролилась кровь, международные правовые организации не обращали на Грузию никакого внимания...»*. Он имел в виду разгон митинга в Тбилиси в ночь с 8 на 9 апреля 1989 года. Руководство НФА нуждалось во внимании международных правовых организаций и ради этого внимания мечтало, чтобы пролилось побольше крови. К сожалению, руководство СССР и лично генерал Александр Лебедь сделали ему такой кровавый подарок.

Есть немало хорошо информированных людей, уверенных, что если бы не Черный январь, СССР в какой-то форме (конфедерации или подобия Евросоюза с общей валютой и некоторыми другими атрибутами единства) сохранился бы. Но зрелище танков, врывающихся мирный город, стреляя на ходу и давя автомобили и людей, оказалось непереносимым. Так не поступают со своими.

После 20 января 1990 года карабахский конфликт вышел на качественно новый уровень. Больше не было речи о том, чтобы в Азербайджане остался хоть один армянин, а в Армении — хоть один азербайджанец. Своего пика число изгнанных азербайджанцев достигло уже на следующем этапе, после оккупации Арменией семи районов Азербайджана за пределами Нагорного Карабаха, пяти полностью и двух частично. За шесть лет конфликта их суммарное число достигло огромной для небольшого Азербайджана величины в 600 или 800 тысяч. Называют, впрочем и миллион и даже больше. Это почти сплошь сельские люди. Вне своих сел они — неквалифицированная рабочая сила.

На протяжении почти всей кровопролитной и изнуряющей войны армяне (исключая краткий период своих военных неудач лета 1992 года) демонстрировали бескомпромиссность, давая понять, что вступят в переговоры только с признавшей свое поражение стороной. Все «преждевременные» попытки примирения пресекались. В августе 1991-го в Степанакерте был убит заведомо Нагорно-Карабахского обкома партии Валерий Григорян, организовавший встречу представителей армянской интеллигенции Карабаха с руководством Азербайджана. Глава «Оргкомитета по Нагорному Карабаху» Виктор Петрович Поляничко был приговорен армянским подпольем Карабаха к смерти, во время работы в Степанакерте на него было совершено четыре покушения, прямо в его кабинет влетала граната. Его гибель два года спустя, уже вдали от Армении, во время осетино-ингушского конфликта, многие связывают, тем не менее, с армянскими боевиками.

На деятельности Поляничко в НКАО стоит задержаться. Он пытался унять насилие. При нем было изъято огромное число стволов, подчинен областной аэропорт,

взяты под контроль воздушные, автомобильные и железнодорожные перевозки, ликвидировано подпольное радиовещание, сменено руководство областных силовых органов, войсковые наряды патрулировали мосты и дорожную сеть. Согласно азербайджанским источникам, он выслал из НКАО «не одну сотню» приезжих провокаторов. Впрочем, эти же источники отнюдь его не жалуют. То, что Поляничко поносили с двух сторон, есть лучшее доказательство правильности его действий.

Крайне характерно, что Азербайджан принял участие в референдуме 17 марта 1991 года о сохранении Советского Союза, а Армения — нет. Это кажется удивительным, но несмотря на события Черного января в Азербайджане на избирательные участки пришли 75,1% имевших право голоса, причем 93,3% из них проголосовали за сохранение Советского Союза. Больше, чем в РСФСР (71,3%), и значительно! Руководство же и интеллигенция Армении сочли в тот момент, видимо, что прекрасно обойдутся без СССР и России. Главное — вырваться из «тюрьмы народов», после чего сразу наступит процветание и уладятся все конфликты. Уладятся, понятно, в пользу Армении, поскольку она за демократию и либерализм, тогда как Азербайджан олицетворяет собой консерватизм и «совок». В этом всех убеждали такие московские публицисты, как Рой Медведев, Андрей Нуйкин, Галина Старовойтова, Виктор Шейнис, Леонид Баткин, Валентин Оскоцкий, даже сам академик А. Д. Сахаров и еще множество других пылких авторов, всех теперь не упомнишь. У Азербайджана заступников в России почти не нашлось.

Кавказ — дело тонкое

Жаль, но приходится напоминать о вещах, которые и так должны быть известны всем. Если бы не Россия, армяне и сегодня не имели бы своего государства. Не будь в декабре 1920 года Москвы и ее особых отношений с тогдашним фактическим правительством Турции в Анкаре, недолговечная Армянская республика стала бы маленьким — из двух уездов бывшей Эриванской губернии — и полностью бесправным турецким протекторатом, если не еще одним турецким вилайетом. К тому моменту Турция Кемал-паши, спокойно наплевав на все страны Антанты вместе взятые (они пытались навязать ей унижительный и кабальный Севрский договор) и на собственного султана, успела разгромить дашнакскую Армению и вступить в победоносную войну с Грецией. Но при этом она, заметьте, пошла навстречу требованию большевистской России воздержаться от аннексии Армении.

Помня об этом, нам трудно забыть те дни конца 80-х — начала 90-х, когда в Армении проходили исполинские площадные мероприятия, где Российская империя и СССР клеймились как «тюрьма народов», клеймился «русский империализм», трудно забыть, как возбужденная толпа захватывала стратегический объект — аэропорт Звартноц, нападения на солдат и офицеров ради овладения оружием, попытку убить генерала Сафонова (вместо него был убит полковник Блахотин), нападения на военные склады и поезда, нападения боевиков на внутренние (в то время на Кавказе почти стопроцентно русские) войска МВД СССР в 1990-91 годах и обстрелы наших миротворцев — до самого конца их пребывания в зонах конфликта, забыть

оскорбления в адрес России, которая, оказывается, «завоевала Армению и сделала ее своей колонией».

И это после вековых просьб и молений о российском протекторате, после моря русской крови, пролитого ради наших «братьев по вере»! После того, как Россия в 1914-17 годах приняла и расселила в своих пределах свыше трехсот тысяч армян, бежавших через Персию из Османской империи! После того как в Армянской ССР, всегда дотационной, с русской (в первую очередь) помощью была создана инфраструктура, промышленность, электростанции, река Арпачай повернута к Севану, на месте захолустной Эривани выстроена импозантная столица!

Не будем упрощать дело. В те же дни слова «колония» и «колониальная политика России» звучали на митингах Народного фронта Азербайджана и на собраниях московской интеллигенции с участием азербайджанцев. Возражать было непросто. Помнится, мы смиренно ссылались на авторитет азербайджанских демократов-основателей Первой республики, которые достаточно долго не допускали даже мысли об отделении от России, настаивая лишь на автономии, что было бы для них психологически невозможно, считай они свою родину российской колонией. Довод этот действовал не на всех, да и мы сами признавались в душе, что на месте наших азербайджанских оппонентов, возможно, тоже сомневались бы. Ведь Россия, повторим это еще раз, действительно присоединяла к своей империи азербайджанские ханства при своем продвижении в Закавказье, из песни слова не выкинешь. Да только ведь делала она это не видя иного способа спасти и защитить грузин и армян. Других путей в Закавказье тогда не было, двигаться можно было только каспийским берегом.

И после этого слышать, что Россия поработила Армению! От подобных слов можно было лишиться дара речи.

Тот, кому данный текст кажется антиармянским, ошибается. Россия всегда будет ценить вклад армян в отечественную культуру, искусство, литературу, науку, экономику, их вклад в победу над фашизмом, уважать их древнюю культуру и то упорство, с которым они полторы тысячи лет боролись за восстановление своей государственности, уничтоженной еще в IV веке. России не пристало быть ни неблагодарной, ни бесчувственной.

Более того, мы постараемся уговорить себя, что митинговое помрачение рассудка было в Армении временным. Мы будем хранить надежду, что истории с русскими добровольцами, которые приехали в Карабах защищать «братьев по вере» и были использованы как живой щит, нетипичны для армян. Как и истории об изнасилованных женах этих добровольцев. Мы будем делать над собой усилие, снова и снова напоминая себе, что всякая война есть зверство.

Хотя нельзя умолчать о зверстве, подобного которому знала далеко не всякая война. Мы имеем в виду расправу над мирными жителями городка Ходжалы в Нагорном Карабахе 26 февраля 1992 года, в ходе которой погибло 613 азербайджанцев, включая 63 детей, 106 женщин и 70 стариков. Только потому, что выколотые глаза, отрезанные уши, снятые скальпы, следы от ударов острыми и тупыми предметами, отрубленные головы увидели иностранные корреспонденты,

трагедию не удалось замолчать. Анатолий Ливен писал в лондонской «Таймс»: *«Две группы, видимо две семьи, были убиты вместе — дети охвачены руками женщин. У некоторых из них, включая маленькую девочку, были чудовищные раны головы: фактически осталось только лицо. Выжившие рассказали, что армяне расстреливали их в упор, уже лежащих на земле».*

Односторонняя ориентация

Наш призыв восстановить баланс справедливости порожден ощущением того, что российская политика уже двадцать лет проводится с почти неизменным креном в одну сторону, и так было с самого начала конфликта. Формирование незаконных боевых отрядов Армянской освободительной армии (АОА) и Армянской армии независимости (ААН) велось в Армении в 1990 году, по сути, открыто, а внутренние войска МВД СССР закрывали на это глаза. Летом 1991 года Армянская ССР объявила о создании собственной республиканской национальной армии во все еще единой стране, но Закавказский военный округ не пресек это сепаратистское начинание. Выше уже упоминалось, что, по сведениям НФА, большинство азербайджанских беженцев из Армении были выдворены из мест своего проживания при участии внутренних войск МВД СССР, предоставлявшего транспорт, а порой и силовое обеспечение. Делалось это, конечно, под предлогом обеспечения безопасности депортируемых, их «спасения» — даже в тех районах Армении, вроде Варденисского, где азербайджанцы численно преобладали. Напомним, что народофронтовцы говорят (возможно, преувеличивая) о 200 тысячах выселенных при помощи союзного МВД; общее же число депортированных из собственно Армении принято оценивать в 230 тысяч. Но помимо этого, азербайджанцев выселяли и из Нагорного Карабаха, то есть, с собственно армянской территории. Выселяли при «наместнике» Вольском (до появления Поляничко), то есть, опять-таки при российском участии, в еще живом СССР. Выселяли из сел совместного проживания армян и азербайджанцев, этих островков мира в море ненависти.

В московской печати, когда дошло до вооруженных стычек, их азербайджанских участников стали называть исключительно «боевиками», армянских — только «ополченцами». Почти сразу начинает разрабатываться тема христиан-армян, противостоящих «исламским фундаменталистам»-азербайджанцам. Газеты уверяли, что на митингах в Баку якобы мелькают портреты Хомейни, звучат фундаменталистские лозунги, а соседний Иран готов вмешаться и вырезать всех христиан в Азербайджане. Народный Фронт Азербайджана (НФА) в московской прессе частенько именовался исламским движением, чего не было и в помине.

По утверждению азербайджанского публициста Азера Мурсалиева, *«подобный фон во многом обеспечил Кремлю информационную поддержку в проведении карательной операции в Баку в январе 1990 года».*

Были, конечно, и примеры, когда силовая поддержка оказывалась азербайджанцам, что отражало противоречивую политику разных ветвей московской власти между началом карабахского конфликта и переворотом в Баку весной 1992 года, когда НФА сверг президента Муталибова. Один из таких примеров — операция

«Кольцо» в апреле-июне 1991 года. Тогда было решено проверить паспорта в группе армянских сел, чтобы выявить лиц без местной прописки — т.е. пришлых боевиков и провокаторов. У лиц без прописки, а также у некоторых законно прописанных оказалась масса оружия, включая установки «Алазань». Боевиков не смущало, что эта 82,5-мм двенадцатиствольная ракетная система залпового огня предназначена для разгона облаков, они легко научились применять ее против людей. Так, 24 апреля 1991 года градобойными ракетами был обстрелян азербайджанский город Шуша.

Операцию проводили совместно 23-я дивизия Закавказского военного округа, базировавшаяся в Кировабаде (только что переименованном обратно в Гянджу), азербайджанский ОМОН и группы азербайджанских ополченцев из соседних деревень. Судя по многочисленным описаниям, делалось это без четкого распределения обязанностей. «Кольцо» вылилось в локальную войну. На поддержку яростно сопротивляющимся боевикам прилетали какие-то загадочные вертолеты. Случались захваты заложников, были убитые и раненые из числа вполне мирных местных жителей, включая глубоких старцев. Дело кончилось депортацией большинства армян из окруженных сел. Почти всем боевикам удалось скрыться. Операция ясно показала, что армия не должна заниматься тем, к чему она не предназначена и чему не обучена.

Пример с «Кольцом» не единственный. Тем не менее, по словам Тома де Ваала, многие азербайджанцы и по сей день убеждены в том, что *«основные боевые действия на армянской стороне в Карабахе вели не армяне, а русские»*. Чеченский публицист Маирбек Тарамов формулирует ту же мысль предельно жестко: *«Новейшее оружие поставлялось Армении и НК прямыми рейсами из России... Преступно не замечать зловещей роли России в армяно-азербайджанском конфликте... Россия осуществляла всемерную помощь и поддержку армянским агрессорам, без которой те не смогли бы завоевать и пяди азербайджанской земли»*. Это, разумеется, сильное преувеличение. Но какая-то доля правды есть и в нем.

ГЛАВА 4. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Почему у Армении мало шансов?

В армяно-азербайджанской войне победившей стороной выглядит Армения (она всегда формально отрицала, что ведет войну с Азербайджаном, но всем понятно, что карабахским армянам в одиночку при соотношении сил 1:50 война была бы не по силам), она не только удержала Нагорный Карабах, но и заняла изрядную часть азербайджанской территории (обычно говорят о 20 процентах, но тщательный подсчет показывает, что оккупированные земли, включая НКАО, составляют 13,6% площади Азербайджана). Армяне понесли вдвое меньшие боевые потери, они продемонстрировала высокий боевой дух.

Но именно это и завело Армению в тупик, из которого не видно выхода. Будь ситуация более зыбкой, армянская сторона начала бы поиск компромисса на гораздо

более ранней стадии. Преимущества, приобретенные в войне, не дадут Армении преимуществ на переговорах. Более того, из-за них Армения может упустить наиболее выгодный для нее момент достижения компромисса.

Даже с учетом территориальных и людских потерь Азербайджана, армяне потеряли куда больше. В середине 1980-х в Азербайджане проживало около 350 тысяч армян (в это число не входят армяне Нагорного Карабаха, которых насчитывалось до 150 тысяч), свыше половины из них — в Баку. Упомянутые 350 тысяч армян, изгнанные из Азербайджана или уехавшие от греха сами, должны теперь крепко благодарить своих вождей и «историков» за дарованный ими идеал «миацума» (воссоединения с Карабахом). Служение историческому идеалу обошлось этим людям дорого: ими было брошено или продано за бесценок огромное имущество, они безвозвратно утратили не поддающиеся оценке экономические, административные, культурные и статусные позиции, традиционно принадлежавшие им в Азербайджане. Даже благополучные и успешные в прошлом люди сегодня сплошь и рядом влачат жалкое существование в Армении, России, Украине, странах Запада. А многие уже и не влачат: пережитые лишения привели их к преждевременной смерти.

Что же касается собственно Нагорного Карабаха, его тоже покинула минимум треть живших там армян — не каждому нравится существование в прифронтовой обстановке. В связи с этим общее число армян-беженцев из азербайджана можно смело признать близким к 400 тысячам. Но и это еще не все. Скатывание бывшей Армянской ССР в непривычную для нее в советское время бедность, безработица, нежелание отдавать сыновей в армию, жизненные невзгоды и неудобства, связанные с блокадой, общий социально-экономический и психологический кризис заставили покинуть Армению существенную часть ее коренных жителей-армян. Один из авторов был знаком в Москве с армянином-проходчиком Метростроя, который еще недавно был театральным актером в Ереване. Он рассказывал, что весь круг его знакомых, почти без исключений, покинул Армению. Конечно, часть беженцев, вынужденных переселенцев и мигрантов удачно пустила корни на новых местах, особенно на российском юге (в первую очередь, в Краснодарском и Ставропольском краях, в Москве), но эти люди уже вряд ли когда-нибудь вернуться на родину.

Вопросы истинной численности населения в Армении после двадцати лет неблагоприятия и войн (не забудем еще и Спитакское землетрясение), довольно темны. Согласно официальной статистике (ее цитирует интернет-издание «Википедия»), численность населения республики по состоянию на 2005 год равнялась 3 миллионам 316 тысячам человек, т.е. она даже чуть возросла по сравнению с советским временем. Верится с трудом. По подсчетам независимых демографов, начиная с 1988 года Армению покинуло не менее 1,2 млн. чел. (сюда входят, разумеется, и 230 тысяч азербайджанцев), т.е. примерно 36% ее жителей, а переселилось в нее из Азербайджана около 150 тысяч тамошних армян. Неполную компенсацию убыли населения обеспечивают два фактора: превышение рождаемости над смертностью да тоненькая струйка «возвращенцев». Уезжающих по-прежнему больше, чем приезжающих. Сегодня в Армении, по оценкам независимых экспертов, максимум 2,4 миллиона жителей, а вместе с Нагорным Карабахом — 2,5 млн. Экстраполяция

динамики численности населения, рождаемости, естественного прироста в 80-е годы показывает, что не будь событий последних двадцати лет, в собственно Армении было бы сегодня не менее 4 миллионов жителей. На две трети больше! Это нам, русским, кажется, что разница в 1,6 млн. не так уж велика. Для небольшой нации это катастрофа. Нация становится количественно не самодостаточной для развития своей культуры, информационной среды, литературы, специализированного образования, науки. Тем более, что «вымывание» интеллигенции, экономически и социально активных жителей, особенно молодежи, продолжается. Согласно данным исследовательской службы Gallup, по состоянию на июль 2008 года из Армении были готовы уехать 23% ее жителей. Вот что объективно дала Армении ее борьба за «миацум».

По многочисленным свидетельствам приезжих из Армении, пассионарные настроения в республике давно иссякли, народу надоела сама тема Карабаха. Утверждают, что типичны такие разговоры: «Сто лет мы не знали, где такой Карабах, а теперь, видите ли, жить без него не можем. Никто не хочет, чтоб его сын служил в Карабахе. Молодые убегают, чтоб их не отправили в Карабах. Армянам нужна личная жизнь, а не Карабах. Нужно скорее решить этот вопрос, чтобы мы избавились от него. Из-за Карабаха армяне лишились всего. Страна не может развиваться, положение населения тяжелое. Умиравшему от голода армянину не нужен Карабах. Переселиться в Карабах желающих нет». И так далее. Даже если такие настроения не являются всеобщими, они достаточно распространены и руководство страны не может их не учитывать.

Армянская статистика (поверим ей, т.к. независимых оценок такого рода все равно нет) констатирует: число работающих сократилось с 1 миллиона 400 тысяч человек в 2001 году до 1 миллиона 200 тысяч в 2007. Если в 2001 году 42% занятых работало в промышленности, то в 2007 году этот показатель упал — небывалый случай! — до шестнадцати процентов (пишем прописью, чтобы не сочли за опечатку). Зато выросло число занятых в сельском хозяйстве (с 44 до 46 процентов) — такое возможно, да и то крайне редко, только в Третьем мире.

Политики и любители

Английский журналист Том де Ваал в своей книге о карабахском конфликте «Черный сад» приводит сказанные ему 15 декабря 2000 года слова Сержа Саркисяна, тогда министра обороны Армении, ныне президента страны: *«Самое важное — не территория. Важно, что в Армении остался один этнос. В Варденисе [к юго-востоку от озера Севан — А. Г. и А. С.] и других районах азербайджанцы составляли около 70 процентов населения. Наши культуры несовместимы. Мы можем жить бок о бок, но не внутри друг друга. Нас мало».* Действительно, мало. И стало заметно меньше.

Конечно, моноэтническая страна «технически» удобнее — но только в условиях авторитарного правления. При переходе к настоящей демократии данное преимущество сходит почти на нет.

Что касается несовместимости культур, на эту тему есть и более «яркие» высказывания. Геолог Сурен Михайлович Айвазян, автор книги «История России. Армянский след» (два издания, 1997 и 2000), говорит про турок и азербайджанцев следующее: *«Это психически ненормальный народ, в генах которого заложено варварство, психопатия и патологический садизм»* (цитируем по интернет-изданию «Википедия»). В его трудах вообще немало свежих мыслей. Так, он уверяет, что Киев основал в 585 году н. э. армянин Смбат Багратуни, что именно армяне ввели христианство на Руси, что настоящее имя Юрия Долгорукого было Геворк Багратуни. Среди доводов в пользу подобных утверждений есть такой: гора Малый Арарат напоминает женскую грудь, а другое название этой горы «Сис» созвучно с русским словом, обозначающим тот же предмет. Айвазян настаивает также, что слово «грузин» в русском языке появилось потому, что грузины всегда работали грузчиками у русских. И так далее.

У С. М. Айвазяна есть союзники и в Москве. Так, бывший посол Российской Федерации в Армении, доктор исторических наук В. П. Ступишин в своих статьях и выступлениях называет азербайджанцев «азерами», «азерскими турками», «ширванскими татарами», «башибузуками», а государство Азербайджан — «незаконорожденным», «искусственным порождением пантюркистов», «турецким отростком на Южном Кавказе» и т. д. Загадка, как этот человек мог быть послом где бы то ни было.

Но вернемся к экономике. На первый взгляд, дела Армении неплохи. Ее ВВП в пересчете на душу населения возрос между 2001 и 2007 годами (согласно армянской государственной статистике) с 3.350 до 4.900 долларов (в России, для сравнения, этот показатель составил 14.700 долларов в 2007 году). Безработица сократилась за шесть лет (правда, главным образом, за счет сжатия работоспособного населения) с 20 до 7 процентов. Еще более впечатляет то, что число живущих ниже уровня бедности снизилось за эти же шесть лет, по официальным данным, с 55% до 26,5%.

Бедность — сестра изобретательности, и армяне, народ упорный и талантливый, несомненно, будут находить в своих бесплодных горах все новые резервы. У них есть медь, цветные металлы, золото, бокситы, они найдут что-нибудь еще. Скоро в Армению придет иранский газ. Возможно, Армения не поддастся (подобно Литве) международному давлению, требующему от нее закрыть единственную в стране АЭС в Мецаморе и тем избежит новой энергетической катастрофы. Бог даст, не переведутся заказы на ее моторы, прессы, шины, алюминиевый прокат, оборудование для текстильной промышленности, ювелирные изделия, коньяк, на огранку алмазов. Экономика Армении несомненно будет расти, это ясно. Но ясно и другое: у нее нет шансов рядом с Азербайджаном. По крайней мере, пока она не договорится с ним.

А договариваться, чем дальше, будет только сложнее. Крепнувший Азербайджан будет понемногу закручивать гайки своих условий. Кто бы на его месте действовал иначе?

Азербайджану будет всё легче, Армении всё трудней

О том, чтобы Азербайджан снял блокаду Армении, нечего и думать, он не сделает это ни под чьим давлением. Но, может быть, Армения добьется открытия

границы с Турцией? Однако логика блокадного государства зашла так далеко, что и снятие турецкой блокады уже стало опасным. Бывший замминистра обороны Армении В. Ширханян явно знает, о чем говорит: «Для Армении это станет катастрофой, поскольку за очень короткий срок исчезнут внутренние производители. Произойдет то, что произошло в Грузии. Там даже черноморские пляжи принадлежат туркам... Об открытии армяно-турецкой границы надо забыть». Но руководство Армении, похоже, готово рискнуть. Правда, открытию границы мешает важное препятствие: Турция никогда не смирится с обвинениями в геноциде. Признав его, она стала бы потенциальной плательщицей по сотням тысяч счетов.

Сегодня мало кто сомневается, что в ходе недавней встречи президентов Турции и Армении был без огласки решен вопрос о создании совместной комиссии историков для выяснения вопроса, имел ли место геноцид 1915 года. Объявить об этом вслух армянскому президенту будет сложно, поскольку подвергать геноцид малейшему сомнению считается в Армении предательством. Мало того, в неловком положении сразу окажутся те страны, которые успели на государственном уровне признать геноцид армян как бесспорный факт.

Социал-демократическая партия «Гнчакян» уже заявила: *«Проклятия предков и презрения потомков будет достоин тот, кто когда-либо подвергнет сомнению факт нашей величайшей трагедии — Геноцида армян»*. Обязательно скажут свое слово застоявшиеся в последнее время историки-любители. А тут еще турецкие парламентарии (цитируем по сайту «Regnum.Ru») выражают уверенность: *«В вопросе геноцида армян все ясно — нет такого понятия... Были жертвы с обеих сторон, причем еще вопрос, какая сторона больше пострадала... Армяне принесут свои извинения туркам»*.

В России не все понимают, почему для евреев так важна память о Холокосте, для армян — о Геноциде 1915 года, для поляков — о Катыни, почему украинский президент Ющенко так страстно хочет, чтобы Украина зациклилась на идее Голодомора.

Если народ сплотить больше нечем, его сплавляют памятью о Великой Жертве. Память о ней заменяет положительную национальную идею. Хорошее объяснение этому феномену дал французский историк Эрнест Ренан еще в конце XIX века: *«Общее горе объединяет больше, чем радость. Когда речь идёт о национальной памяти, страдания ценнее триумфов, потому что они налагают на всех обязательства и требуют общих усилий. В силу этого нация — есть широкая солидарность, основанная на памяти о жертвах, принесённых в прошлом, и готовности принести их в будущем»*.

Далеко не каждая нация встает на этот путь, хотя тяжких потерь не избежала ни одна. В России народ, не забывая о своих потерях, сплочен, тем не менее, памятью о Победе. Это верный признак душевного здоровья нации. Если бы ирландцы, многократно подвергавшиеся геноциду со стороны Британии, беспрерывно вспоминали своих погибших, они должны были бы столь же беспрерывно проклинать англичан.

В жертвах всегда виноват Враг. Раз избрав себе Врага, приходится с этим жить постоянно. Мало того, приходится жить всегда немного в прошлом, что сильно

осложняет повседневность. Ирландцы не пошли по этому пути и правильно сделали. Но для некоторых народов последовать их примеру, похоже, невозможно, ибо чревато внутринациональным расколом. Вредя собственным интересам, блокируя свободу выбора и маневра, сковывая себя в движениях, они на дипломатическом поле, и не только на нем, уподобляются инвалидам.

Подытожим наши сравнения. Азербайджан — страна, уверенно перешедшая в другую весовую категорию. По богатству, экономической мощи и мобилизационному потенциалу она далеко превосходит Армению — правда, оставаясь при этом не слишком консолидированным обществом. Несомненное осознание этого минуса руководством Азербайджана удержит его от соблазна решить проблему своих отношений с Арменией военным путем. Азербайджан может себе позволить особо не спешить, время работает на него.

Экономический бум Азербайджана продолжается непрерывно с 1996 года; средний прирост ВВП между 1996 и 2006 годами составил 13,6 % в год, драматически взлетев к концу этого периода: показатель 2005 года составил 26,4%, 2006-го — 36,6% (мировой рекорд). По сравнению с 1995 годом (и в ценах этого года) физический объем ВВП увеличился за десять лет в 8,4 раза. Но рост не остановился после 2006 года. В следующем, 2007 году азербайджанский ВВП вырос еще на 23,4%, а ВВП на душу населения достиг 7.700 долларов. Это пока не очень много, глубина падения между 1988 и 1995 годами была слишком велика (для сравнения: в Иране ВВП на душу населения равен 11.700 долларов), но при сохранении столь высоких темпов Азербайджан имеет шанс сравняться по этому показателю с развитыми странами к концу следующего десятилетия, около 2020 года. И эти годы пролетят, не успеем оглянуться.

А как же беженцы и мигранты?

Армяно-азербайджанская война сделала беженцами, как мы уже упоминали, от 600 тысяч до миллиона и даже более азербайджанцев (оценки расходятся, хотя первая правдоподобнее). То есть, это число в полтора, а то и в два с половиной раза выше, чем у армян. Большинство из них — выходцы из оккупированных районов, прилегающих к Нагорному Карабаху, и в случае, если урегулирование не затянется еще на полвека, они имеют хорошие шансы вернуться домой. У 230 тысяч «армянских» азербайджанцев соответствующие шансы ниже, но они не нулевые, о чем речь пойдет ниже.

По числу временно или навсегда покинувших страну за прошедшие двадцать лет показатель Азербайджана также, судя по всему, хуже армянского. Правда, вызывающих доверие цифр разрыва между «списочным составом» и наличным населением нет. По данным посольства РА в Москве, на территории только России постоянно находятся два миллиона граждан Азербайджана. Только России! А ведь множество азербайджанцев выехали также в Турцию, на Украину, в Казахстан, другие страны СНГ, в Восточную Европу, в страны Запада и даже в Иран. Судя по всему, два «посольских» миллиона — кумулятивная цифра приездов в течение длительного периода, без учета отъездов, без учета многократности появления одних и тех же лиц. В печати постоянно всплывает утверждение о трех и даже пяти миллионах

печати постоянно всплывает утверждение о трех и даже пяти миллионах азербайджанцев в России. В самом же Азербайджане, не обращая внимания на заявления посольств и печати, говорят то о 450 тысячах, то даже всего о 116 тысячах «временно отсутствующих».

По данным Центра изучения проблем вынужденных миграций в СНГ, многомиллионные оценки численности азербайджанцев в России просто нелепы, а «статистика» такого рода, в том числе исходящая от официальных органов среднего и низшего уровня, объясняется в одних случаях политической конъюнктурой, в других — двойным, тройным (и т.д.) зачетом одних и тех же лиц.

Выводы Центра подкрепляет простая логика. Начнем с констатаций. «Списочное» количество населения Азербайджана составляло на июль 2008 года 8,2 млн. чел., вместе с беженцами (на пике советского времени в республике жило 6,6 млн. чел.). Население делится, извините за банальность, на две половины, мужчин и женщин. Каждая половина включает в себя детей (считаем до 14 лет) и пенсионеров (считаем от 65 лет). Реально людей в республике на каждый данный момент безусловно меньше, чем 8,2 млн. чел., так как много взрослых мужчин (и не так уж мало женщин) пребывают на заработках в других странах. Но сколько именно?

Всего взрослых мужчин, от 15 до 64 лет, присутствующих и отсутствующих, в стране числится 2 миллиона 753 тысячи человек. Может ли даже половина из них (т.е. 1 миллион 377 тысяч человек) разъехаться по разным странам? Это исключено, скажет вам любой демограф. Там, где (крайне редко в мировой истории) такое случалось, в разы взлетала стоимость рабочих рук, и люди, привлеченные этим, немедленно начинали возвращаться обратно. В связи с экономическим ростом азербайджанцы действительно начали возвращаться в свою страну, но сальдо миграции пока все еще отрицательное (выехало в 2007 году на 16 тысяч человек больше, чем въехало; в 2001 году разница составляла 44 тысячи человек). Значит, взрывообразного спроса на рабочие руки в стране нет, сохраняется некоторая избыточность этих рук, чего не было бы при повальной миграции. Что же до психологической обстановки, она улучшается вслед за ростом ВВП, но с обычным ~~длинным лагом~~ ^{подобные} процессы в норме всегда отстают от экономики: массовое осознание того, что жизнь все-таки улучшается, приходит, в типовом случае, с запозданием лет в шесть от начала ощутимого роста ВВП, но бывает, что и позже. После этого нижним стратам общества требуется еще несколько лет (сколько именно — зависит от степени расслоения, от национального характера, образовательного уровня), чтобы свыкнуться с новой реальностью, преодолеть модель «выживания», уверовать в будущее и соответственно поменять свое поведение. Азербайджан, похоже, близок к этому.

Один из авторов совершил в августе 2008 года поездку из Баку на юг Азербайджана (в Ленкорань и Лерикский район на границе с Ираном) и может засвидетельствовать, что повсюду видел изобилие молодых мужчин. Нет никаких признаков нехватки рабочих рук ни в Баку (который представляет из себя исполинскую стройплощадку), ни в сельских районах по пути на юг. Скорее наоборот, на околицах

сел в обязательном порядке стоят группы мужчин в самом соку, явно не знающих, чем заняться. Аграрное перенаселение далеко еще не преодолено.

Большинство азербайджанских трудовых мигрантов — «армянские» азербайджанцы и беженцы из прилегающих к Карабаху районов, ныне оккупированных Арменией, «лишние люди». Это мало что умеющие простые сельские жители, у которых отобрали даже ту околицу, где они могли бы постоять в компании односельчан, обсуждая проезжающих. Даже если бы все (чего не может быть) взрослые мужчины из этой категории людей уехали на заработки, таковых набралось бы, исходя из половозрастной структуры населения, от 200 до 330 тысяч человек. Допустим, что к ним присоединились безработные из числа постоянного населения Азербайджана (не из беженцев), это способно удвоить названное количество, т.к. безработица все еще велика. Наконец, поскольку некоторую часть трудовой миграции составляют женщины, мы можем приплюсовать их из расчета одна женщина на трех мужчин. Итог таков: из Азербайджана могли выехать (отнюдь не только в Россию!) от 550 до 900 тысяч трудовых мигрантов — это почти предельные цифры. Часть из них совершает челночные рейсы, периодически возвращаясь на родину, другая часть, имея постоянную работу, навещает родину редко. Но, за небольшим исключением, все планируют вернуться домой, когда там ощутимо улучшатся экономические условия и возможности.

Этим азербайджанские мигранты отличаются от мигрантов-армян, покидающих Армению сплошь и рядом семейными парами с детьми. При таком варианте отъезда люди возвращаются редко. В 2007 году превышение оттока над притоком было в Армении таким же, как в Азербайджане — 16 тысяч человек. При втрое (с лишним!) менее многочисленном населении.

По данным упомянутого Центра изучения проблем вынужденных миграций в СНГ, из всего Закавказья одновременно присутствуют в России от миллиона до миллиона двухсот тысяч человек, не более. Речь идет об азербайджанцах, армянах, грузинах, абхазах, осетинах (южных), лезгинах (южных), курдах, турках-месхетинцах. Неискушенный в антропологии взгляд российских жителей частенько почти всех относит к азербайджанцам. Как и российских граждан — дагестанцев, осетин (северных), черкесов, кабардин, чеченцев. Как и уроженцев России, имеющих кавказских предков. Как и студентов-южан, коих сотни тысяч (при общем числе студентов в России, перевалившем за 8 миллионов). Как и русских, от роду имеющих кавказский или цыганский облик. Вот откуда берется миф о миллионах азербайджанцев в России. Людей с непривычной наружностью всегда кажется больше, чем есть на самом деле.

Отъезд огромного (но вряд ли достигшего миллиона) числа людей не стал для Азербайджана трагедией потому, что во многом облегчил его проблему беженцев и безработных, помог до начала долгожданного роста провести трудный экономический маневр. Денежные переводы мигрантов на родину тоже оказались не лишними для развития страны.

У Азербайджана есть сегодня внешний резерв «своих» рабочих рук, который будет им востребован по мере роста его экономики.

Есть обида. Мести нет

Итак, почти всякий азербайджанец уверен, что Армения захватила Карабах не без поддержки коррумпированной русской военщины и политической верхушки. Как ни странно, в целом на отношении к России и к русским это не сказалось. Если из Грузии и Армении (от наших «братьев по вере») выехали практически все русские, кто только мог, то в Азербайджане по-прежнему живут около 160 тысяч русских — и живут неплохо.

Русских школ в Азербайджане заведомо больше, чем требовалось бы для 160-тысячного населения. Кроме того, более чем в 300 школах есть русские отделения, родителям предоставлена свобода выбора. Это даже вызывает недовольство оппозиционеров из «Демократического конгресса Азербайджана». Они говорят: *«За последние годы позиции русского языка в стране окрепли, и школ с преподаванием на русском языке стало больше... Русские школы работают на средства наших налогоплательщиков и получается, что азербайджанцы заняты продвижением в своей стране русского языка»*. Оппозиция на то и оппозиция, чтобы критиковать власть, хотя и ей должно быть понятно: страна, где люди владеют более чем одним языком, имеет конкурентные преимущества в глобализирующемся мире. Важно другое: на положение русских школ эта критика не повлияла.

Многие азербайджанцы определяют своих детей в русскоязычные детские сады, полагая, что знание русского языка даст возможность их детям в будущем поступить в российские вузы, которые в Азербайджане имеют высокую репутацию. В стране сегодня порядка 1800 государственных детских садов, из них в 440 (в основном, небольших, но это естественно) воспитание ведется на русском языке.

Говорит депутат Милли меджлиса, председатель Русской общины Азербайджана Михаил Забелин: *«Сегодня в Азербайджане в 43 из 48 вузов имеется русский сектор обучения. Примерно 15 000 студентов каждый год поступают в вузы, чтобы получить образование на русском языке. Также почти в каждой столичной школе имеется русский сектор»*. (Это не какие-то устаревшие данные, заявление М. Забелина датируется мартом 2008 года.) Преподавание на русском языке ведется также в филиалах российских вузов, центром по подготовке кадров русистов является Бакинский славянский университет (БСУ). Большое число азербайджанских студентов учится в собственно России.

И еще одна подробность, хорошо рисующая положение дел: бакинские русские газеты по совокупному тиражу не уступают азербайджаноязычным. Такие газеты, как «Эхо» и «Зеркало» весьма авторитетны в стране. Если в Кишиневе в 1990-е гг. памятник великому русскому поэту Пушкину был снесен, то в Баку, напротив, воздвигнут к 200-летию со дня его рождения.

Для сравнения, в Армении нет русских школ, хотя школьники изучают русский язык, а в 16 школах изучение «углубленное». Правда, в 52 школах есть классы с преподаванием на русском языке, в них обучается 9-10 тыс. детей (1,7% от общего числа учащихся), но если оба родителя — армяне, их ребенка в такой класс не примут. Чуть лучше с вузовским образованием. Открыты шесть филиалов российских вузов, в

них учится порядка 2000 студентов, работает Российско-Армянский государственный университет (РАУ), в котором на русском языке обучается 1200 человек. Но в целом — никакого сравнения с Азербайджаном.

Это не критика Армении. Моноэтничная страна, вероятно, имеет право на монопольную политику. Но конкретно за этой политикой — совсем другое отношение к России, совсем другое видение собственного будущего.

Взаимное притяжение

Если один из авторов, как уже упоминалось выше, совершил поездку из Баку на юг Азербайджана, то другой отправился из Баку в противоположном направлении. Ему довелось посетить русское село Ивановку в предгорьях Шемахинского района — колхоз на базе 3,5-тысячной молоканской общины, поселившейся в Азербайджане еще при царе Горохе. Потрясение было велико: во-первых, трудно было себе представить, что русские в массе могут так образцово хозяйствовать, а во-вторых, еще труднее было себе представить, что на многие километры вокруг живут только азербайджанцы, что этот изумительный русский оазис возрос посреди чужой земли, встречая у окружающих только поддержку и дружбу. Впечатление было такое, что попадаешь в образцово-показательный немецкий совхоз — настолько все было чисто, аккуратно, прочно, богато. Глядя на сытых, ухоженных, чисто вымытых доверчивых коров, любясь засеянными «по линейке» полями люцерны, мощными виноградниками, цехами переработки мяса и молока, винзаводиками и маслобойней, идеальным порядком на току, где горами лежало зерно разных сортов при полном отсутствии голубей и воробьев (как удалось?), поневоле можно было задуматься о том, что дружба народов — неплохая вещь. По словам председателя колхоза, единственная их нужда — бензин и ГСМ — никогда не оставалась без удовлетворения властями. Все остальное они добывают сами.

Так относятся к русским в Азербайджане. Оба автора (порознь, не вместе) обошли, каждый своим маршрутом, пол-Баку, возвращаясь в гостиницу порой далеко за полночь, — но ни разу не встретили ни косога взгляда, ни грубого слова, ни недружелюбного жеста... Вернувшись на родину, храня эти воспоминания, теперь уже невозможно по-другому отнести и к азербайджанцу в Москве.

Мы специально заинтересовались деятельностью российской общины азербайджанцев (она зарегистрирована как Федеральная национально-культурная автономия «Азеррос») и были рады убедиться, что она прилагает немало усилий, чтобы навести мосты дружбы и взаимопонимания между нашими народами. Так, с 2004 по 2008 годы «Азеррос» совместно с российскими и международными организациями провел ряд круглых столов с участием известных ученых и политологов, например: «Общественность России о ситуации на Ближнем Востоке и Иране», «Коррупция — враг прогресса России», «Что выгодно СМИ — мир или кровь?», «Общественность России о ситуации на Ближнем Востоке и Иране», «Какие мигранты нужны России?», «Какие политики нужны России?», «Миграционная амнистия: выгодно ли это России?», «Россия — Грузия / XXI век», «Роль России,

Украины, Ирана и Турции в сохранении стабильности на Кавказе» и др., а также конференции: «Россия и Азербайджан: история и современность», «Россия — Азербайджан: 10 лет сотрудничества» (в Госдуме РФ) и т. п. Среди мероприятий, проведенных «Азерросом» — встреча с ветеранами Великой отечественной войны, посвященная 60-летию победы над Германией, неоднократная массовая сдача азербайджанцами Москвы донорской крови для Центра крови Федерального медико-биологического агентства, а также Ярмарка вакансий, совместные мероприятия с Советом ветеранов войны и труда Даниловского района г. Москвы, с детскими домами городов Чехова и Шатуры Московской области, ряд благотворительных акций, поддержка в виде учебного материала русскоязычной общеобразовательной школе города Гянджа в Азербайджане и многое другое. «Азеррос» находится в постоянном контакте с Русской Общиной Азербайджана, идущей «параллельным курсом» в том же направлении.

Но оставим уровень личный, а также уровень народной дипломатии, и поднимемся на государственный. Несмотря на то, что Москва все 90-е, можно сказать, вталкивала Баку в объятия Вашингтона, Анкары, в ГУУАМ (затем ужавшийся до ГУА-Ма), сколько мудрости, такта, открытой, а больше скрытой поддержки оказал нам Азербайджан, начиная с 1993 года! Оказал вопреки политике российского МИДа. Разве можно сравнить поведение благородно-дружественного нам Гейдара Алиева с вероломством Шеварднадзе, не говоря уже о его преемнике Саакашвили? Тут можно вспомнить и первого президента Армении Тер-Петросяна, памятного своими усилиями по скорейшему и любой ценой развалу СССР и подчеркнуто прозападной позицией в дальнейшем. Наше счастье, что Ильхам Алиев во многом унаследовал отцовское отношение к России. Да, у Азербайджана были и есть несовпадающие с нами интересы, есть особые проблемы безопасности. Понятно, почему Азербайджан вышел из «Договора о коллективной безопасности» стран СНГ — этот договор за шесть лет ни на шаг не приблизил решение проблемы Нагорного Карабаха и оккупированных территорий. Но даже сейчас, находясь практически в зоне влияния США, разве не демонстрирует Азербайджан нам свою ровную, теплую дружественность? Разве не избегает всего, что могло бы обострить наши отношения?

Азербайджан как будто терпеливо ждет, пока мы помудреем и откроем глаза, научимся различать, где искренняя дружба, а где вынужденное лукавство. Мы уверены, что рано или поздно это произойдет.

А из Армении тем временем приходят такие сигналы: 17 сентября 2008 года вице-спикер парламента Армении Аревик Петросян, принимая председателя Парламентской ассамблеи НАТО Жозе Лело, сказала: *«Путь Армении лежит прямо к НАТО, и альтернативы у нас нет»*. Это не болтовня политолога или газетного шута, это позиция, если кто не вчитался, вице-спикера парламента.

Луч надежды

Невозможно представить, чтобы армяне, народ традиционно коммерческий и деловой, не жалели об утраченных позициях в Азербайджане, где в их руках было, по

большому счету, почти все. Причем «было» по понятиям советского государства — при отсутствии частной собственности, запрете предпринимательства, до предела урезанной свободе инициативы и расстрельных статьях за баловство с иностранной валютой. Как бы они развернулись при свалившемся вдруг с неба капитализме!

Им не может не приходиться в голову горькая мысль, что и Карабах тоже по факту был их. Какая разница, что область возглавлял партийный секретарь-азербайджанец? При капитализме он превратился бы в губернатора, и еще неизвестно, какой национальности.

И каждый старше 35 лет вспоминает, что у него были друзья-азербайджанцы и они прекрасно уживались. А люди мало-мальски просвещенные, читавшие кроме многоумного Зория Балаяна и другие книги, начинают припоминать, что после всех предыдущих конфликтов и даже войн между армянами и азербайджанцами неизменно наступало примирение. Это произошло после 1905 года, после 1918. Никакой Андраник, никакой Дро, никакой Карабекир не могли сделать так, чтобы азербайджанцы и армяне стали врагами навеки. Почему сейчас должно быть по-другому? Ведь азербайджанцы добродушны, они долго не держат зла, умеют забывать обиды. Эти настроения несомненно есть и они будут расти тем быстрее, чем энергичнее будет подниматься экономика Азербайджана. Но сами собой эти настроения победят нескоро. Правильная политика России может приблизить их победу. Россия должна не жалеть аргументов и пряников, чтобы убедить Армению: ей все равно не удастся удержать захваченные территории, их рано или поздно придется вернуть, и лучше это сделать рано с хорошим бонусом, чем поздно и без бонуса.

Мы слышим: имея такой козырь, как прочно занятые азербайджанские территории, Армения может упорствовать, вопреки требованиям экономики и отсутствию перспектив, десятилетиями. Не уходит же с оккупированных территорий Израиль — и вроде ничего, мир привык.

Что ж, обратимся к Израилю. Почему-то у нас почти не вспоминают про поразительное сходство двух стран. И Армения, и Израиль были воссозданы неправдоподобно долгое время спустя после разрушения этих государств во времена Древнего мира. Евреи достигли этой цели без малого через девятнадцать веков, армяне — через шестнадцать. Исторические судьбы и занятия евреев и армян во многом совпадают. Армяне воссоздали свое государство на тридцать лет раньше и своим примером во многом вдохновили евреев. Армянам это удалось благодаря России, но и евреи во многом обязаны СССР, сыгравшему не последнюю роль сперва в создании, а затем и в заселении Израиля.

Бросаются в глаза и другие черты сходства. Площадь Израиля 20,8 тыс. кв. км, Армении — 29,8. Обе страны занимают достаточно бесплодные, по понятиям былых времен, пространства, но опыт Израиля показывает, что эти пространства можно умело использовать. Подсчитано, что в Израиле может проживать 15 миллионов человек, притом в полной продовольственной безопасности. При рациональном использовании своих ресурсов Армения может принять всех армян мира — правда,

всех это вряд ли соблазнит. В Израиле есть Мертвое море, в Армении — Севан. По сравнению с Израилем, водные проблемы Армении выглядят легко решаемыми.

Но самое главное в другом. И Израиль, и Армения, начиная восстанавливать свою государственность, не имели международно признанных границ. Их границы выкраивались «по-живому», что обусловило череду объявленных и необъявленных войн с соседями. Упрощая, можно сказать: в конце концов их границы были признаны соседями и миром, но новые «прирезания», по мнению мирового сообщества, недопустимы. Войны с соседями продолжаются у Израиля и Армении многие годы, но и там, и там есть шанс на их справедливое завершение. Напомним, Израиль вернул Синай Египту, хотя большинство израильтян долго не допускало даже мысли об этом.

Сегодня у Армении есть проблема Нагорного Карабаха, у Израиля — проблема Голанских высот («Нагорного Голана», как сказали бы мы). Израильский кнессет принял в 1991 году закон об аннексии Голанских высот, но эту аннексию не признала ни одна страна мира. И никогда не признает, хотя заступников у Израиля в мире побольше, чем у Армении. Довод о том, что евреи жили здесь еще во времена Иудейского царства, мировым сообществом не принимается. В Израиле политики уже прямо говорят, что Голаны будут возвращены в обмен на гарантии мира с Сирией и Ливаном. Армянское руководство, размышляя о Карабахе, должно сделать отрезвляющие выводы из израильского опыта.

В действительности же, оккупированные территории — не козырь, а жернов на шее. Конечно, Армения никогда не признает, что она в тупике и не пойдет на уступки с потерей лица. Но она пойдет на них, если убедит всех, что не потеряла лицо. Ей необходим утешительный приз. Этим призом не будут территории, на это Азербайджан не пойдет никогда. Что же это будет?

Речь может идти о возможности возвращения армян в Баку — вслед за тем или иным торжественным актом примирения двух народов, вслед за соглашениями о взаимных реституциях (где и когда это возможно), компенсациях, о решении проблемы беженцев. Формально это не будет уступкой со стороны Азербайджана: в том, что касается беженцев, договор должен быть полностью симметричным. Но по факту он окажется слегка асимметричен. Просто потому, что возвращение армян в Баку не равноценно возвращению азербайджанцев в горы вокруг Спитака. Понятно, что ни в том, ни в другом направлении больших потоков не будет: люди не смогут преодолеть страх и отвыкание. Для молодого поколения оставленные места будут уже во многом чуждыми. Слишком многие не доживут. Но при всех понятных оговорках для армян это будет очень важно. Вернуть все утраченные позиции они, конечно, уже не смогут, но даже ограниченная «реставрация прошлого» стала бы для них большим утешением.

Что же до обустройства Нагорного Карабаха в азербайджанском государстве, трудно придумать что-либо лучше аландской модели. Не зря Аландские острова 110 лет были под русским управлением. Эти острова населены шведами, но входят в состав Финляндии. Была найдена такая форма автономии, которая сняла любые требования аландцев (а требования были, и бурные) присоединиться к Швеции. Сам факт, что и Нагорный Карабах, и Аландские острова — в равной степени фрагменты

бывшей Российской империи, внушает надежду: удалось в одном месте, удастся в другом.

Будущий мир между Азербайджаном и Арменией неизбежен, хотя сегодня и труднопредставим. Проводить его в жизнь двум странам придется в теснейшем ежедневном взаимодействии на всех уровнях. Это будет, образно говоря, клинч сотрудничества, а так называемым «историкам» придется на довольно продолжительное время просто заткнуться.

Российская дипломатия просто обязана сделать на этом направлении все возможное и невозможное. Для начала — заставить две стороны общаться, причем на всех уровнях. Кстати, угадайте, на каком языке они это будут делать?

34 года никто не верил, что Северный Кипр согласится на возвращение в состав единой Республики Кипр. Сама возможность такого исхода конфликта замаячила лишь когда состарилось и отчасти даже ушло поколение, носившее в себе ненависть. Новые поколения уже с трудом берут в толк, из-за чего был весь сыр-бор. В этом, конечно, есть свой минус, но есть и большой плюс. Надеемся, что в случае с Нагорным Карабахом не придется ждать так долго.

Негативные факторы

Что подпитывает упрямство Еревана? В первую очередь, надежды на армянскую диаспору. Она всегда обеспечивала и обеспечивает антиазербайджанскую подачу событий, этим подталкивая принятие соответствующих политических решений. Россия более или менее всегда, а в последние месяцы особенно, испытывает нечто подобное на себе — когда любой шаг нашей страны подвергается недоброжелательной интерпретации. В последние месяцы мы более чем когда-либо почувствовали себя в шкуре Азербайджана. Для нас это полезный опыт.

Армянское лобби в конгрессе США традиционно пользуется исключительно сильным влиянием, постоянно добиваясь голосования за крупную финансовую помощь Армении. Размер помощи американского правительства Армении, составившей в 2000 году 102,4 миллиона долларов, по объему на душу населения уступал только американской помощи Израилю. 24 октября 1992 года, в разгар избирательной кампании в США, армянское лобби добилось внесения поправки 907а к «Акту о поддержке свободы». Согласно этой поправке, правительству США запрещалось оказывать помощь Азербайджану *«до тех пор, пока президент не определит, о чем и доложит конгрессу, что правительство Азербайджана предпринимает очевидные недвусмысленные шаги по отмене блокады и прочих видов применения силы против Армении и Нагорного Карабаха»*. Тогда же, в 1992 году у Армении появился министр иностранных дел — уроженец США Раффи Ованесян.

Характерно, однако, что с восстановлением высокого уровня нефтедобычи в Азербайджане настойчивость США в деле отмены блокады стала утихать и в 2002 году (по случайному совпадению, как раз с началом прокладки нефтепровода Баку — Джейхан) поправка 907а была отменена. США без шума занимают все более

проазербайджанскую позицию и это расширяет возможности американской дипломатии. Российская не должна отставать.

С точки зрения России время между летом 1993-го и осенью 1994-го (т.е. между возвращением к власти Гейдара Алиева и подписанием «контракта века» между Баку и консорциумом международных нефтяных компаний) — досадный период упущенных возможностей. Российским министром иностранных дел в это время был почему-то А. В. Козырев. Его запомнили главным образом как человека, яростно выступавшего за то, чтобы не противодействовать расширению НАТО на восток, но его есть чем помянуть и по другим поводам.

Гейдар Алиев как никто ясно видел: Азербайджан не решит ни одну из своих тяжелейших проблем без возрождения экономики, а собственных сил и средств для этого слишком мало. Куда обратиться? Запад воспринял вернувшегося Алиева крайне настороженно. Еще бы — нехороший бывший член Политбюро ЦК КПСС, сверг хорошего демократа Эльчибея (пусть и сильно пьющего). Для Алиева естественно было обратиться к России. Алиев предлагал: вкладывайтесь в самые доходные отрасли нашей экономики, будет выгода и вам и нам. А вкладывать было во что: в нефте- и газодобычу, нефтепереработку, химию (удобрения, синтетический каучук, шины), цветную металлургию, добычу железной руды, в азербайджанский хлопок, шелк, шерсть, ковроткачество. У Азербайджана с советских времен готовые мощности для производства чуть ли не всего набора оборудования для нефтеразведки и нефтедобычи, у него южные культуры, замечательные возможности для развития пищевой и консервной промышленности, виноделия.

Выражаясь цинично, Россия могла в то время скупить пол-Азербайджана по хорошей цене и этим крепко привязать его к себе политически. Однако оскомина от Народного фронта и страх перед новыми переворотами в Баку отпугивали предпринимателей. Требовались гарантии Кремля, политическое решение, межгосударственный экономический договор. Ничего такого не последовало. Знающие люди утверждают: Козырев убедил Ельцина, что с алиевским Азербайджаном дело имеет не стоит. Теперь нам остается лишь кусать локти. Упущенную выгоду — и в экономике, и в политике — невозможно даже подсчитать. Сегодняшний Азербайджан мало в чем зависит от России, хотя в своем клинче с Арменией не может не искать поддержку в Москве.

Взгляд за горизонт

Беженцы — незаживающая рана азербайджанского народа. (Но поплатились и русские. Когда согнанные с родной земли люди лавиной накрыли Баку, многие русские семья предпочли уехать или просто бежать, чтобы не попасть «под раздачу». Мы уже упоминали, что русских в Азербайджане сегодня 160 тысяч, а ведь было втрое больше.)

В лагерях для азербайджанских беженцев близ Баку и в других местах республики до сих пор живут в основном женщины, дети и старики. А их мужья, отцы,

братья, сыновья вынуждены ездить на заработки, чтобы кормить свои семьи. И где они теперь? Правильно: по большей части в России. Россияне недовольны...

Наше двухвековое сосуществование с азербайджанцами не было ни разу омрачено ничем, кроме карабахского конфликта. В котором Россия, увы, заняла одностороннюю позицию, допустила стратегическую ошибку. И что хуже всего, совершила несправедливость. Уже в силу этого мы убеждены, что у России и русских есть моральный долг и ответственность перед Азербайджаном и азербайджанцами.

Мы убеждены также, что дружба между нашими народами не только возможна, но и необходима обеим сторонам. Давайте просто перечислим преимущества тесного российско-азербайджанского партнерства.

1. Азербайджанцы — это тот редкий народ, который никогда не вел агрессивных войн. Это мирный, сентиментальный, дружелюбный и трудолюбивый этнос, тянущийся к европейской культуре (и очень бережно относящийся к собственной), очень комплиментарный к русским, о чем мы свидетельствуем лично. Хорошо дружить с таким народом.

2. Азербайджан — бесценная кладовая недр, которая уже спасала нас от смертельной опасности. Такими богатыми соседями не пренебрегают, не разбрасываются. Нефть и газ, медь, полиметаллы, молибден, химическое сырье — главные ископаемые богатства, но этот список много длиннее. По-дружески, по-соседски мы могли бы иметь преференции, и нам они предлагались.

3. Азербайджан — уникальный цветущий Божий сад. Эта страна могла бы, к своей выгоде, помочь нам решить проблему нашей продовольственной безопасности — по крайней мере на то время (есть опасения, что долгое), пока российское сельское хозяйство будет выходить из состояния нокдауна. Азербайджанцы — великолепные трудолюбивые земледельцы и скотоводы, они любят и умеют пасти стада, возделывать землю, это еще крестьянская в целом страна, чего, увы, больше не скажешь о России. Кто своими глазами видел изобилие сельских районов этого края, тот не забудет никогда непомерных стад всего живого — скота и птицы, плодородных полей и садов, гранатовых деревьев, растущих даже на крышах домов. А кто слышал рассказы о Карабахе, тот представляет, как выглядит рай...

4. Азербайджан — наш полезнейший посредник и ходатай в отношениях с рядом важных для нас стран исламского мира и ближнего зарубежья. Авторитет этой страны, мирной и быстро богатеющей, будет лишь расти, если только мир не сойдет с ума. Через дружбу с Азербайджаном мы получим надежного модератора в отношениях с собственными мусульманскими регионами, способного сказать веское слово в нашу пользу. При необходимости Азербайджан поможет нам обнулить попытки разнообразных сил в США, Европе, Израиле (а в недалеком будущем, возможно, в Китае и Индии) использовать Россию в качестве живого щита в своих конфликтах с исламскими странами. Нам с исламом делить нечего, и Азербайджан это знает лучше других⁵. Азербайджан — ключ ко всему региону в целом, это центральная фигура ГУАМа, его «замковый камень». Если мы сможем вынуть его из здания ГУАМа, оно неизбежно развалится. Понятно, почему Азербайджан в 1997 году вступил в ГУУАМ.

Прохладные отношения с ельцинской командой, неучастие России в проектах по экономическому возрождению Азербайджана не могли не привлечь его интерес к идее евразийского транспортного коридора, не породить надежд, что ГУУАМ станет инструментом решения замороженных конфликтов. Но политизация ГУУАМа привела к выходу из него Узбекистана и потере одной из букв, а попытки придать ему военное измерение были блокированы Молдавией, которая сегодня тоже на грани выхода из организации. Можно ожидать, что усилия Грузии по превращению ГУАМа в противовес России не понравятся Азербайджану и, при правильной политике России, он пересмотрит свое участие в этой организации, утрачивающей без него всякий смысл.

6. Двести с лишним лет тому назад (в 1805 году) Ибрагим-хан Карабахский присягнул России, что означало добровольное вхождение его ханства в состав империи. А раз так, у России есть голос в решении судьбы Карабаха. Этот голос должен помогать Армении придти к мысли, что время работает не на нее, что ей предстоит смириться с неизбежным. Успехи России по вразумлению Армении вернут Азербайджан в политическую орбиту России, а возможности Вашингтона в этом, по сути, чуждом ему регионе резко сузятся. Многое на Кавказе изменится, причем радикально, в нашу пользу. Как писал Трэм Грин, *«рано или поздно человек должен решить, на чьей он стороне, если, конечно, он хочет остаться человеком»*. Пора и нам определиться и помочь разумному и справедливому разрешению конфликта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Александр СЕВАСТЬЯНОВ

О РУССКО-АРМЯНСКОМ ЕДИНОВЕРИИ И СТРАТЕГИЧЕСКОМ СОЮЗЕ В МИРОВОМ КОНТЕКСТЕ

Поистине, всегда было нечто загадочное в том упорном покровительстве, часто связанным с большими экономическими потерями и человеческими жертвами, которое мы, русские, оказывали и оказываем армянам, ничего не могущим дать взамен, даже если б они того хотели.

– Ну, как же! Ведь они наши естественные стратегические союзники! – вот неизменный аргумент, который мы слышим в ответ на недоумение. И второй: – Ведь они же христиане, да еще во враждебном окружении.

Эти аргументы взаимосвязаны, ведь «стратегическим союзником» Армении, весьма отдаленную от России и не имеющую с ней общих границ, делает только ее «враждебное окружение». Враждебным же оно искони считалось, в первую очередь, по причине религиозной: мусульманские страны, со всех сторон обступившие христианскую Армению, порождали у армян психологию осажденной крепости и вынуждали ее обращаться за помощью и защитой к русским «братьям по вере». И русские с энтузиазмом шли на помощь, не щадя животов своих, жертвуя своими людьми без счета ради «братского долга».

Но вся беда в том, что русские и армяне, строго говоря, не вполне братья по вере. В наш век донельзя упрощенных религиозных представлений, когда глубокая просвещенность для большинства обременительна, а восприятие важнейших основ веры происходит посредством примитивных клише, различия между православием и григорианством, тонкие, но важные, стираются в массовом сознании. Однако вопрос о природе Христа (двуединой, божеско-человеческой, в православии – и одинарной, только божественной, в григорианстве) никак нельзя считать второстепенным для христианина. Об этом подробно писал еще в начале XX века предтеча современного русского национализма и глубоко верующий православный христианин М. О. Меньшиков, из работ которого я позаимствовал некоторые факты и соображения.

Если относиться к делам веры с подобающей серьезностью и ответственностью, мы должны помнить о том, что армяно-григорианская церковь всегда исповедовала не что иное, как ересь Евтихия, осужденную Первым Халкидонским Собором. Причем отлучение было обоюдным и крайне жестким. Если Вселенский Собор в 451 году предал анафеме как измышление Евтихия, так и его последователей, то в ответ армянский первосвященник каталикос Иоанн IV Отцнийский, причтенный григорианской церковью к лику святых (что немаловажно!), созвал собор, на котором подверг анафеме Халкидонский собор и постановил: «Кто говорит, что Христос был человеком по природе, и творением тленным по плоти, и подверженным страданию, и смертным по природе человеческой, анафема да будет; кто не исповедует Христа единым бессмертным естеством, анафема да будет». Как видим, «братья по вере» на деле давным-давно прокляли друг друга церковным проклятием, которое передавалось православным русским царям, полководцам и солдатам относиться к армянам, за которых веками столь щедро проливалась русская кровь? Для православных верующих на это есть ясный и строгий ответ, запечатленный в «Книге правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец». Там сказано, что «ересь предается анафеме», что «с еретиками вместе не молиться и не ходить на молитву в их собище» и «не должно позволять им присутствовать при священнодействии и в молитвах с верными, но даже входить в дом

Божий, ежели они закосневают в ереси. Не должно принимать от них жертвы, ни праздничных даров, ни благословения, ни праздновать с ними вместе. Не должно ходить на кладбища еретиков или в так именуемые у них мученические места для молитвы и врачевания» и пр., и пр...

Важно отметить, что Древняя Русь традиционно строго и щепетильно относилась к армянской церкви. В те времена армяне допускались в Россию лишь на тех же условиях, что и «иудеи, измаильтяне и агаряне», – не иначе как с обязательством жить отдельно от православных, как бы в религиозном карантине. В Киево-Печерском Патерике рассказывается, что однажды преподобный Агапит заболел. Пришел врач и пощупал пульс у больного. Случайно святой Агапит узнает, что врач – армянин. Тогда он закричал на врача: «Как смел ты войти ко мне и осквернить мою келью, а своим прикосновением – мою грешную руку? Иди вон от меня, и обречь тебе мое тело!»

В XIX веке религиозные представления пошатнулись, а династические устремления русских царей, видимо, заставили их закрыть глаза на соображения религиозной ревности (чем это для них обернулось спустя сто лет, мы тут не судим). В итоге по Туркменчайскому трактату в состав России вошла армянская религиозная столица Эчмиадзин и каталикос был оставлен на правах вселенского патриарха всех армян. Разумеется, семьдесят лет атеистического режима и последующая варваризация населения отнюдь не научили нас разбираться в подобных тонкостях и не привели к разумно осторожному восприятию мифа о нашем с армянами «единоверчестве». Для большинства населения тут все просто: эти инородцы христиане – и ладно! А коли «ладно», так вот уж мы и «стратегические союзники». Но мы бы не советовали никому вслух развивать данный очередной миф в Краснодарском или Ставропольском крае, или в иных местах, где армяне, компактно расселившись, подмяли под себя экономику и ведут планомерную территориальную экспансию, ужасно раздражая русское население. Так, например, Пятигорск полностью под армянским контролем, армянские дружины даже устроили несколько лет назад погром русских, сожгли машину руководителя местного РНЕ. Подобный контроль есть также и во многих иных городах и селах. А в Краснодарском крае, напротив, местное население было доведено до армянских погромов, например в Славянске-на-Кубани в 2002 и в Новороссийске в 2005 году. В июле 2002 года происходили погромы плотно расселившихся после 1990 года армян в Подмосковье. В сентябре 2006 года, уже после событий в Кондопоге, были нападения и погромы армян в Вольске и в Саратове.

Некоторые из обидных, оба пресловутых аргумента в пользу армян казались мне убедительными. С тем большим – вначале недоумением, а затем любопытством приходилось вникать в важнейшие характеристики, данные якобы единоверческому армянскому народу русскими исследователями задолго до революции. Оказывается,

еще в изданном по высочайшему повелению Николая Первого «Обозрении российских владений за Кавказом» (Спб., 1836) на стр. 197-199 утверждалось: «Армяне, подобно Моисееву народу, должны были рассеяться по лицу земли, собирая богатства, коими, под бременем своих властелинов, не могли наслаждаться в земле своей. От этого произошла причина бесхарактерности армянина: он стал космополитом; его отчизной сделалась та страна, где с большей себе выгодой и безопасностью может он употребить изворотливый свой ум для прибыли... Хитрость, лукавство – необходимые качества непросвещенных, а тем более торговых народов, – свойственны армянам: всякий обман считается ими дозволенным в покупке и продаже, всякая мера для приобретения – законной. Они овладели торговлей Тифлиса и всего Закавказья; исполняют всякого рода поручения, содержат почти все откупы, принимают все подряды, исполняют обязанности комиссариатских и провиантских там комиссий. Они – переводчики, докладчики, факторы; словом, где есть возможность получать прибыль, там непременно находятся армяне. Корысть – первый движитель всех их помышлений и поступков».

А вот еще, например, знаменитая книга В. Л. Величко «Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы» (СПб., 1904). Автор ее, украинско-русский интеллигент, друг художника Репина и писателя Лескова (а дед его приятельствовал с Пушкиным), переводчик и ценитель грузинской поэзии. Он в 1896-1899 гг. редактировал в Тифлисе официальную газету «Кавказ», а с 1901 года журнал «Русский вестник». Много лет пристально изучая народы Кавказа в их взаимоотношениях, он пришел к выводу о целенаправленной экспансии армян на земли народов Кавказа и в Россию как опасном явлении, конфликтогенном и подрывном. Он утверждал, что «служение русскому народному делу нашло противовес в колонизации некоторых частей Закавказья армянами, усердно начатой при Паскевиче и принявшей размеры прямо опасные, именно теперь, после того, как нежелательность её весьма недавно еще признана даже с высоты Престола», а также, что «по внешности Эчмиадзин – это церковь, а по существу – особая форма полускрытого национального учреждения армян, объединенных главной задачей создания армянского автономного царства в пределах русски~~х~~ ~~Своде~~ ~~ний~~»¹ его непосредственные наблюдения над ходом жизни в Закавказье Величко наблюдательно обобщил: «На Кавказе вопрос социально-экономический совпадает с племенным: буржуазия состоит почти исключительно из армян, составляющих на верхах этого класса сплочённую стачку и представляющих крупную социальную опасность для местного населения, а для государственного дела - опасность политическую, как это видно на примере нескольких восточных держав, инертность или неряшество которых открыли простор армянскому паразитизму... Другие туземцы основательно ставят в укор России подъем армянского могущества,

говоря, что, например, при грузинских царях об этом не могло бы быть речи, ибо тогда вопросы решались не кабинетно-теоретически, а на основании суровых требований жизни». Разумеется, Величко ни в чем не обвинял армянский народ в целом, он умел отделить зерна от плевел, но делал это вполне бескомпромиссно: «Речь идёт о тех армянах-эксплуататорах, которые с шестидесятых годов особенно усердно и беспрепятственно принялись высасывать все соки из местного населения. Говорю здесь, конечно, не огульно, не обо всем армянском народе, а о классе кулаков, ростовщиков, тёмных дельцов, представляющих собой сильно окрашивающий, характерный для этого племени элемент. И дворянин, и крестьянин оказались мухами в паутине этих хищников».

Хуже всего, что армянская буржуазия коррумпировала имперское чиновничество, следствием чего было изменение политического баланса в Грузии и Азербайджане не в пользу коренного населения. А это влекло за собой этнополитическую напряженность и рост антирусских, антиимперских настроений, революционизировало население. Величко писал: «Часть тамошнего русского служилого класса давно в зависимости от армянских богачей. Нет в крае буквально ни одного учреждения, дела и проекты которого оставляли бы абсолютную тайну от армян. Высшее сословие всех местных племен, в лице огромного большинства своих представителей, мотается на вексельных арканах и, так сказать, нравственно, стоит уже на запятках у новых повелителей края. Банки, не исключая государственного, повинуются им же: в учетном комитете местного отделения государственного банка армяне составляют подавляющее большинство и широко этим пользуются. Общество взаимного кредита, главный капитал которого состоит из сравнительно небольших прежних чиновничьих сбережений, систематически служит поддержанию деревенских и городских ростовщиков, опутывающих крепкой сетью все местное население. Вся, теперь без исключения, кавказская печать находится во власти или под влиянием армян... О прямых злоупотреблениях я уже не говорю: имя им легион. Расхищены десятки тысяч десятин казенной земли, сокрыты сотни вопиющих преступлений, о которых говорил целый край. Люди, заведомо занимавшиеся контрабандой, хищением земель, подлогами и иными преступлениями и нажившие потом миллионы, достигли высочайших, для их репутации и нравственной дикости, званий и почестей; невежды и развратники оказывались покровителями учебных заведений; воры и поднадзорные – влиятельными членами армянских церковных попечительств, заправилами банков, главарями благотворительных обществ».

Все это, как ни противоестественно, сопровождалось сильными антирусскими настроениями, характерными именно для армянской стороны. Так, Величко вызвал большой скандал, опубликовав дословный перевод «щекотливой проповеди» его

святейшества католикоса Мкртича I «и кое-какие другие нескромные признания армянского патриотизма», содержавшие русофобские выпады.

Не правда ли, читать такое непривычно современному русскому человеку, привыкшему к совсем иным подходам и оценкам.

Чем же объяснить необыкновенную живучесть в России проармянских настроений и стереотипов – пропагандистских клише? Увы, только одним: мощным армянским лобби, продвинутым и гиперактивным, глубоко (и высоко!) интегрированным в самые влиятельные российские круги. По эффективности оно сравнимо только с еврейским и грузинским, с которыми нередко действует в связке.

В 2008 году мы наглядно убедились в том, чего стоит такой «брат по вере» и «естественный стратегический союзник» как Грузия, чья история отношений с Россией совершенно аналогична армянской. Благодарность Грузии отныне войдет в поговорку.

Боюсь, что и Армения «отблагодарила» бы нас точно так же, если бы не одно обстоятельство: в отличие от Грузии, а тем более – Азербайджана, Армения не нужна никому из крупных мировых игроков, прежде всего – Вашингтону. Ее (весьма сдержанная) военно-политическая ориентация на Россию носит, на мой взгляд, вынужденный характер. Обольщаться на сей счет не приходится.

Между тем, вопрос стратегического союзничества – далеко не праздный, когда речь заходит о мировом контексте конфликтов, носящих хотя бы минимальный религиозный оттенок (как мы помним, Азербайджан – мусульманская страна).

Попробуем с государственного уровня подняться еще выше – на глобальный.

Что сегодня на повестке дня Земли? Соперничество двух сил, выступающих в обличи западной и исламской цивилизаций, дошедшее уже до кровавой военной фазы в Афганистане и Ираке. Западная цивилизация имеет своего лидера, бойца номер один – это США. Мир ислама не един, разделен различными перегородками, в том числе даже конфессиональными (сунниты – шииты) и отчетливого лидера пока не имеет. Так выглядит конфликт на первый взгляд.

Но если мы взглянем в него поглубже, то разглядим одну мощную силу, стоящую и за США, и за объединенным Западом вообще, поскольку она во многом контролирует политику и экономику как Америки, так и ведущих стран Европы. Эта сила – еврейский народ, чье организационное средоточие – государство Израиль, но чье могущество обеспечивает диаспора, разбросанная по всем странам если не мира, то Запада, и в России. В диаспоре живет не менее 2/3 мирового еврейства. Еврейское лобби играет первую скрипку и определяет внешнюю политику США (см.: John J. Mearsheimer and Stephen M. Walt. *The Israel lobby and U. S. Foreign Policy*. – N.-Y., 2007; Дэвид Дюк. *Еврейский вопрос глазами американца*. – М., 2001), Англии, а также и Франции (с приходом на французский трон этнического еврея Саркози, при котором

МИД немедленно возглавил еврей Кушнер), влиятельно оно и в других государствах. Вся послевоенная политика Германии, например, также зависит от евреев, обложивших побежденную страну не только финансово-экономической, но и политической данью. И т. д.

Конфликт определяется не только тем, что Запад (еврейский) и Восток (мусульманский) претендуют на мировое господство, но, в первую очередь, тем, что его эпицентр находится в «месте встречи, которое изменить нельзя». Это Ближний Восток, Израиль, Палестина. И до тех пор, пока еврейско-арабское противостояние там не прекратится (а такая перспектива не проглядывается), мир будет сотрясаться от битвы вышеуказанных цивилизаций, каждая из которых воюет на той или иной стороне. Пытаясь втягивать в войну все новых участников (из числа самых свеженьких – Грузия и Украина).

В течение многих лет в эту глобальную войну пытались втянуть и Россию, провоцируя ее на столкновения с миром ислама везде, где только можно: в Косово, в Чечне, в Киргизии, в Карабахе (а до того – в Афганистане), в Таджикистане и т.д. Из России мировая закулиса мечтала выковать для себя живой щит, чтобы в очередной раз им прикрыться, отвести угрозу от себя, перекинуть «стрелку» на русских, как это было во времена монголов или Гитлера. Но слава Богу, вмешался лично Джордж Буш, принял удар на США и дал нам возможность отойти в сторону, избежать кровавой дани. Хотя он и сам долго и упорно пытался и так и этак пристегнуть нас к американо-израильскому альянсу, как пристегнут уже десяток стран. Мы получили передышку и шанс выжить...

Однако могло бы не быть ни нашего афронта в Косово, ни затяжной чеченской войны (кончилась ли она?), ни взорванных мирных домов и самолетов, ни жуткого «Норд-Оста», ни многих других неприятностей, если бы международная политика Козырева-Ельцина не поменяла бы внезапно свой вектор, сложившийся при советской власти, не предала бы самым подлым образом наших верных друзей и союзников: арабов – в дальнем, и азербайджанцев – в ближнем зарубежье. Развернувшись лицом к Израилю в первом и к Армении во втором случае, Россия совершила двойную ошибку. Ибо весь мусульманский мир дальнего зарубежья ориентирован на арабов (народ Пророка), а ближнего – на азербайджанцев (народ нефти). Одним легким дурацким движением мы утратили обе ключевые фигуры сразу. После чего ждать от мусульман реверансов в любой точке мира было бы странно. Не ввязавшись в иракскую и афганскую авантюру США и поддержав Иран, мы чуть-чуть исправили положение, но далеко не до конца.

Ни Израиль, ни Армения ничем не могут компенсировать нам этот урон глобального масштаба, даже если бы и хотели. Но они этого-то как раз и не хотят, их

интересам соответствует усугубление и расширение русско-мусульманского конфликта. В этом направлении велась и ведется огромная работа. Однако умирать за нас ни израильтяне, ни армяне Карабаха уж точно не пойдут. Более того, Израиль немедленно отреагировал на поддержку нами Ирана, поставив Грузии те самые системы залпового огня, которыми обстреливался Цхинвал. Как известно, бывший министр и мэр Тель-Авива Рони Мило продавал оружие в Грузию, в грузинской армии было большое количество израильских военных советников, в том числе, и очень высокого ранга. По сведениям Михаила Чернова, редактора международного отдела журнала «РБК», министр обороны Грузии Давид Кезерашвили – израильтянин, как и Госминистр Грузии по реинтеграции Темур Якобашвили. Именно возглавляемые этими людьми структуры устроили этническую чистку осетин в Южной Осетии. Десятки тысяч беженцев, множество погибших. Все или почти все эти беженцы и убитые – граждане РФ! Так Израиль попытался оперативно «наказать» Россию за отклонение от козыревско-ельцинской внешнеполитической линии.

Но следование этой линии для нас смерти подобно. И радикально исправить дело можем только мы сами, вновь полностью и окончательно развернувшись лицом к испытанным союзникам: арабам и азербайджанцам.

ГОРЯНИН А.Б. Справка об авторе

Александр Борисович ГОРЯНИН – журналист, писатель, историк. Автор книг: «Разрушение храма Христа Спасителя» (Лондон, 1988; под псевдонимом), «Мифы о России и дух нации» (М., 2002), «Традиции свободы и собственности в России» (М., 2007), «Оптимистическое россиеведение» (М., 2008), «Преображение России» (М., 2008). Соавтор учебника «Отечественное образование» (М., 2004).

Автор почти двух сотен статей в газетах, журналах и Сети, а также серии исторических расследований (39 часовых передач) о российской Гражданской войне на Радио «Свобода» (1997-2000; выложены на сайте «Свободы»).

Печатался в «Новом мире», «Гранях», «Посеве», «Звезде», «Русской мысли» (Париж), «Колоколе» (Лондон), «Эксперте», «Профиле», «Главной теме», «Отечественных записках», «Литературной» и «Независимой» газетах, в других изданиях, выступает на радио и телевидении.

Премия журнала «Звезда» за лучшую публикацию 2001 года (повесть «Груз»). Премия I степени имени Никиты Кириченко в области аналитической журналистики (учреждена Внешторгбанком и журналами «Эксперт» и «Профиль») за 2006 год. Номинант премий «Имени Ивана Петровича Белкина» и «Национальный бестселлер». Много переводил с английского (от Агаты Кристи до Набокова).

Работал обозревателем газеты «Век», главным редактором журнала «Международное сотрудничество в сфере образования», главным редактором Издательского дома ИТАР-ТАСС, доцентом межвузовского Центра по изучению России Российского университета дружбы народов. В настоящее время — вольный исследователь.

СЕВАСТЬЯНОВ А. Н. Справка об авторе

Александр Никитич СЕВАСТЬЯНОВ – писатель, журналист, искусствовед, социолог, политолог и общественный деятель.

Автор многосерийного научно-популярного фильма «И ремесло, и вдохновение», книг: «Национал-капитализм» (1995), «Национал-демократия» (1996), «Шедевры европейской иллюстрации» (1996), «Чего от нас хотят евреи» (2000, 2008), «Итоги XX века для России» (2000, 2002), «Русская идея, век XXI-й» (2002), «Время быть русским!» (2004, 2006), «Россия – для русских!» (2006), «Раса и этнос» (2007, 2008 совместно с В. Б. Авдеевым), «Этнос и нация» (2008), «Диктатура интеллигенции против утопии среднего класса» (2009), около трехсот публикаций в журналах, газетах и Сети с 1971 года, в т.ч. в центральной прессе: «Независимая газета», «Литературная газета», «Правда», «Советская Россия», «Известия», «День», «Завтра» и др., журналах «Вопросы литературы», «Русская литература», «Наука и жизнь», «Наш современник», «Политический класс» и мн. др. Составитель и редактор сборников: «Обман века. Документы и материалы к проблеме ратификации “Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве” между Россией и Украиной”» (М., 1999); «На пути к воссоединению России и Белоруссии» (М., 1999); «Русский национализм, его друзья и враги. Вызов третьего тысячелетия» (М., 2001); «Б. Миронов. Об отношении русских к коренным народам России; А. Севастьянов. Азбучные истины национализма» (М., 2002); «Ты – для нации, нация – для тебя. Избранные статьи из «Национальной газеты». 1995 – 2002 гг.» (М., 2002). Автор предисловия к «Запискам» Екатерины Второй (и комментариев), книгам «Россия и евреи», В. И. Корчагин «Русские против юдократии», послесловия к книге Дэвида Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». В русском движении как идеолог с 1991 г. (публикация «Русские и капитализм» в ж-ле «Дон»), как активист – с 1995 г. С 1997 г. главный редактор «Национальной газеты». В 2002 г. избран сопредседателем Национально-Державной партии России и соредактором партийной газеты «Русский Фронт». Соавтор законопроектов «О русском народе», «О разделенном положении русской нации и ее праве на воссоединение», а также нового проекта Конституции России (1998). В 2003 г. принял участие в выборах губернатора Новгородской области, заняв третье место из семи кандидатов.

В 1997-1999 гг. заведом Украины и Крыма, затем замдиректора по науке Института стран СНГ.